

Дарья Сойфер

Статус: Бывшая

Не все сказки о любви заканчиваются хэппи-эндом.
Но хватит ли Золушке сил отпустить своего принца!

Дарья Владиславовна Сойфер

Статус: бывшая

Серия «Романтические комедии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46750144
Статус: бывшая: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-106155-5

Аннотация

Он приехал за ней пусть не на коне, но со свитой, вывел в свет и показал весь мир – так видела Таня свои отношения с известным лайф-коучем Ником Байгозиным. Настоящая сказка!.. Которая закончилась спустя четыре года, когда Таня узнала, что таких «особенных» и «единственных», как она, еще с полсотни. Униженная и оскорбленная, девушка решает мстить. Но, как оказалось, собрать армию обманутых не трудно, трудно – не превратиться в нового идейного лидера и не использовать для своего отмщения телохранителя Байгозина, который, кажется, в Таню влюблен...

Содержание

Правило 1	5
Правило 2	22
Правило 3	37
Правило 4	55
Правило 5	72
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Дарья Со́йфер

Статус: бывшая

© Кулыгина Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моему другу Лиде Мороз.

*Не оглядывайся назад, столько всего чудесного
впереди!*

*И не забывай о простых правилах, они
работают.*

Правило 1

Ты достойна большего

– Именно это, мои хорошие, вы должны повторять себе каждый день, глядя в зеркало! «Ты достойна большего!» Десять, двадцать, сто раз! Пока не дойдет! Танечка, дайте реквизит!

Невысокий лектор будто скрывал под кожей сотни маленьких пружин. Вот сейчас, еще шаг-другой – и он распрямится на все свои потенциальные два метра, а из компактной конструкции человека явится полноразмерный экземпляр. На первый призыв никто не среагировал, и мужчина, цокнув и раздраженно поправив очки, покосился на публику, мол, даже не представляете, с кем приходится иметь дело.

– Танечка! – со слюной брызнуло нетерпение. – Та-ню-ша!

В зале возмущенно зашептались: что за Таня такая заставляет ждать Его Самого? И за секунду до того, как шипение переросло в гвалт, из-за кулис выскочила-таки суетливая рыженькая пигалица. По крайней мере, именно так, вероятно, подумала каждая вторая ученица великого гуру.

– Пожалуйста! – Рыжая протянула лектору зеркало и спешно скрылась за тяжелой, местами потертой бархатной шторой, помнящей еще комсомольские клятвы и любительские спектакли о светлом будущем пролетариата.

– Что ты должна сказать, моя хорошая? – Лектор ткнул зеркало под нос женщине в первом ряду.

Та заморгала, судорожно втянула воздух, так что кожа опасно натянулась на острых ключицах.

– Ты... Ты достойна большего...

Лектор отскочил от нее, театрально прижав руку к груди. Потом обвел взглядом зал, смакуя трепетную тишину. В распахнутых глазах слушательниц читалась жажда поймать все, что в следующее мгновение вылетит из ораторского рта. Не просто поймать, а вобрать в себя целиком, набить на плече причудливой вязью, лишь бы ни один звук не пролетел мимо, ни одна кроха мудрости не упала на липкий линолеум. А упадет – слизнуть ее скорее, распахивая конкуренток локтями, чтоб не досталось никому другому.

– Девочки, милые мои, что ж вы делаете-то со мной? – возопил наконец гуру. – Я выкладываюсь для вас, готов делиться всей энергией, знаниями, я рву себя изнутри, и что я слышу? Вы зачем пришли сюда, а? Кому одолжение делаете? «Ты достойна большего», – передразнил он гнусаво. – Это что, урок чтения в третьем классе? Вы меня пытаетесь обмануть или себя?! – Последняя нота эхом разнеслась по Дворцу культуры и спорта и виновато застыла перед портретом вождя.

Лектор обреченно вздохнул и возвел глаза к потолку, будто спрашивая: «Куда ты послал меня, Отец?» Такой драмы этот зал не видывал со времен «Отелло», и вовсе не из-за та-

ланта Шекспира, а из-за ревнивого фрезеровщика Томина, подметившего сходство своего младшего сына с исполнителем главной роли.

– Наш тренинг называется «Как управлять мужчиной», – севшим голосом напомнил проводник мудрости. – Как заставить его дарить дорогие подарки, вас, девочки, носить на руках. Кем вы можете управлять с таким настроем, а? Я вас спрашиваю! Кто-нибудь поверил в этот бубнеж?

Головы присутствующих с таким энтузиазмом замотались в разные стороны, словно от амплитуды мотания напрямую зависело личное счастье каждой.

– Вот именно! Ты достойна большего! Ты! Достойна! Большого! – проскандировал лектор, рискуя охрипнуть. – Ну же, все вместе: Ты! Достойна!..

Говорят, удовлетворенную женщину легко опознать в толпе: расфокусированный взгляд, гладкая, будто помолодевшая, кожа и загадочная полуулыбка, ясно дающая понять, что ничего важного сейчас у дамы лучше не спрашивать. Именно с таким видом спустя час выходили из зала слушательницы. Случайный прохожий решил бы, что они только что участвовали в самой изощренной оргии в истории, и был бы не прав. Для удовлетворения женщине не всегда нужен секс: иногда достаточно просто узнать, как управлять мужчиной. Или, во всяком случае, свято в это уверовать.

– Николай, а можно с вами сфотографироваться? – Раскрасневшаяся девица на полукаблуках-полуходулях пойма-

ла гуру у самого выхода, там, где красовался здоровенный ростовой плакат «Николай Байгозин. Женский тренер № 1».

– Мы же договаривались, на «ты» – и просто Ник, – мягко пожурил поклонницу Номер Один. Окинул оценочным взглядом, мысленно соотнося размер груди с готовностью ее обнажить, и прижал к себе, приобняв за талию, поскольку до плеча тянуться было несподручно.

– Ксюша, давай. – Чуть дыша от благоговения, девица пихнула цифровую мыльницу более скромной во всех отношениях подружке. Повернулась выгодным боком, проморгалась наперед, чтобы не испортить кадр.

Вспышка бликанула в очках, чудом не запотевших от соседства с щедротами женского тела, и Байгозин отстранился.

– Я сразу заметил в тебе потенциал, – медово пробаритонил он.

– Так жаль, что сегодня последний тренинг... – Она одернула майку с надписью «Я – самая красивая», такие полагались каждой участнице тренинга. – Вы ведь еще к нам приедете?

– Что ты, моя хорошая. Конечно, приеду! – Байгозин перехватил ладонь поклонницы и принялся утешительно наглаживать ее большим пальцем. – Как, говоришь, тебя зовут?

– Наташа, – заулыбалась высокая. – А когда?

– Ты же понимаешь, Наташенька: международный форум «Синтезия» не так часто бывает... Я им нужен. А потом – сразу... Ты только напхни, я дам тебе скидочку на индиви-

дуальную программу.

– Правда?! Мне? – зарделась девица.

– Ты достойна большего. Размер скидки можем обсудить прямо сейчас...

– Коля! – Робкий девичий голосок махом разорвал байгозинскую паутину, и тренер раздраженно обернулся.

– Просил же не отвлекать меня, когда я работаю, – процедил он.

– Но лекция... – рыжая ассистентка сжалась. – Просто из службы безопасности запросили данные ваших гостей, списки надо подать до пяти часов...

– Танечка, я занят. У тебя нет других дел?

– Но...

– Вот и займись. – Байгозин снова взял поклонницу за руку. – Пойдем, моя хорошая, я впишу тебя в индивидуальную программу.

– А сопровождение в скайпе?.. – затрепетала девица с потенциалом.

– Само собой...

И Байгозин, предвкушая полноценную вписку в программу, уже было увлек любительницу скидок в примерку, но Таня преградила ему дорогу. Словно сама не веря в свою дерзость, она прижала к груди папку, как щит, и оловянным солдатиком вытянулась перед начальником.

– Это важно! – и партизански стиснула зубы.

Несколько секунд Байгозин свирепо высверливал взгля-

дом дырки в неудобной помощнице, потом подала голос подруга с фотоаппаратом:

– Натах, ну тебя долго ждать-то?

– Чё ты начинаешь опять? – капризно затынула высокая.

Шансы Байгозина на приватную беседу в гримерке печально повисли, как флаг в безветренный день. Магия женской привлекательности исчезла от короткого «чё», а Танечка, обычно такая покорная и услужливая, упрямо вросла в пол. Даже у тренеров номер один случаются неудачные дни. Байгозин вздохнул, нахмурился и капитулировал:

– Наташенька, ты уж извини, дела...

Оставив поклонницу оплакивать индивидуальную скидку, он подхватил Таню за тонкий локоть и потащил за собой. Мужчинам подобной комплекции нечасто удается найти девушку меньше себя, и с этой точки зрения Танечка была несказанной удачей. С ней даже Байгозин мог почувствовать себя Тарзаном, перекинув тщедушное тельце через плечо. Впрочем, прежде ему этого делать не требовалось: Тане хватало весомого слова или снисходительного взгляда, коих у Байгозина было в избытке. Сегодня же девочка вздумала бунтовать и будто сама напрашивалась, чтобы ей указали на ее место.

– Как это понимать? – Байгозин втолкнул недодекабристку в тесную, пропахшую табаком комнатушку. Никто здесь не курил уже, наверное, неделю, но банка из-под шпрот, служившая пепельницей, стойко источала смертельные для ло-

шадей ароматы.

– Списки надо подать до... – начала было Таня, но Байгозин не привык, чтобы ему морочили голову.

– Ты прекрасно знаешь, что это формальность. Подожди бы эти чертовы списки!

– Хорошо. – Таня предусмотрительно шагнула в сторону. – Она на тебя вешалась! И ты с этой скидкой... Сам же говорил: больше мы в эту глухомань не поедем!

– Ревнуешь, значит, – удовлетворенно отметил Байгозин.

– А что, у меня нет повода?

– Танюша, милая моя девочка. – Он шагнул к ней, провел короткопалой ладошкой по веснушчатой щеке, а после хлопал небрежно. – Это все так, по работе. Им ведь надо в кого-то верить, людям нужен харизматичный лидер. Я не могу лишать их внимания только потому, что тебе это не нравится.

– А спать с ними – тоже по работе?

– Что за глупости! Я люблю только тебя. – Опытные тренерские пальцы прошлись по рыжим волосам, пробежались по тонкой девичьей шее и подцепили верхнюю пуговицу.

– Коля... – прерывисто вздохнула Таня.

– Я только твой, моя хорошая, – голос Байгозина растекся горячей карамелью. – И просил же: не называй меня Колей. – То ли наказывая, то ли лаская, мужчина сжал аккуратную грудь.

– Ник, – тут же исправилась Таня. – А если кто-то вой-

дет?..

– Ты стыдишься нашей любви? – Он прижал ее к столу. – Я виноват. Этот тур... Тебе меня не хватало, да? Прости, моя хорошая...

Звякнула пряжка ремня, со стуком попадали на пол сувенирные ручки «Женское счастье». Даже если бы кто-нибудь и надумал заглянуть в гримерку в этот момент, он быстро нашел бы занятие получше, едва заслышав характерное сопение и ритмичные жалобные стоны столика, не рассчитанного на подобное надругательство.

Таня поправила юбку и, пока Байгозин с сытым видом возлежал на дерматиновом диванчике, склонилась перед зеркалом. Было ли ей стыдно? Вне всяких сомнений. Могла ли она поступить иначе? Вряд ли.

Она встретила Николая Байгозина четыре года назад, еще в институте. Училась на маркетолога в Уфе, когда он приехал читать лекции. И нет, в образовательную программу они не входили, просто по выходным декан приторговывал поточными аудиториями. За первые два курса Таня повидала разных преподавателей. Молодых и красивых, старых и дряхлых, умных и харизматичных или занудных бормотал с конспектами. Байгозин отличался от всех. Если бы его фотография попалась Тане где-нибудь на сайте знакомств, она бы даже не зацепилась взглядом. Но его голос, его бешеная энергия... Он творил с аудиторией странные вещи: заводил, заставлял смеяться, плакать. Лепил, будто из пластилина, все,

что вздумается.

Таня и слушать-то сначала не собиралась, подружка за-тащила. Мол, очередной лошпед со своим очковтирательством на тему «как стать счастливой и уверенной в себе женщиной». Звучало как идиотизм высшего разряда, чего бы не сходить поржать? Таня смотрела на восторженных полубезумных девиц, наводнивших аудиторию под завязку. Они перешептывались с таким пиететом, что Таня ожидала по меньшей мере плода генетических экспериментов по скрещиванию Брэда Питта с Вассерманом. «Он такой... Невероятный!», «Он просто раскрыл мне глаза...», «Я третий раз на эту лекцию... До слез...» И когда на кафедру поднялся невзрачный мужичонка в очках и с покатым, почти отсутствующим подбородком, эдакий пробник человека из хлебного мякиша, Таня готова была расхохотаться. Внимания в нем заслуживал только модный синий пиджак, но с тем же успехом можно было приволочь в аудиторию вешалку: на ней хотя бы нет оспин от ветрянки.

А потом Байгозин раскрыл рот, и что-то вдруг изменилось. Вот он – несет какую-то приветственную ахинею, и вот – Таня ломится к нему за автографом с остальной толпой. Она не помнила, что именно он говорил, но все ее тело ломило от чувства какого-то обновления, перерождения. Хотелось рыдать и хохотать одновременно, щеки были мокрыми от слез, колени гудели. Он любит ее, любит всех! Так сильно, как ее никто никогда не любил! Он дает им свою

энергию, наполняет теплом и верой в себя, и сразу мир вокруг кажется таким ярким, свежим и чистым, будто Таня сняла наконец старые пыльные очки.

В тот день Байгозин выделил из толпы ее, Таню. Может, всему виной апельсиновая макушка, может, он и правда почувствовал в Татьяне внутренний стержень и безграничные возможности. По крайней мере, так он сказал ей. Пригласил в ресторан. Не в какую-то придорожную тошниловку – в ресторан. Был так мягок, так обаятелен... Таня ничего не ела, просто сидела и слушала затаив дыхание, а он читал ее как раскрытую книгу, и ей казалось, что он знает о ней все, понимает лучше, чем кто-либо другой, лучше даже, чем она сама. Слова не имели значения, куда важнее был его голос. Он проникал в самое нутро, выковыривал страхи, нащупывал самые интимные, самые эрогенные зоны. Байгозин стал ее первым мужчиной, и Тане казалось, что в этом была не ее щедрость, а его, Николая. Не какой-то там сопляк-второкурсник, а Он Сам. Байгозин. Нашел ее, заблудшую, глупенькую, ничего не понимающую в жизни, обогрел, просветил и сделал своей. И в ту секунду Таня отчетливо осознала: она его не заслуживает. И уж точно не встретит никого лучше. Где она – нескладеха-пигалица и где он – величайший женский психолог. Он ведь мог бы выбрать любую из сотен, а выбрал ее. И Таня плакала навзрыд, обнимая коленки, потому что не верила до конца своему счастью.

– Может, поедешь со мной в Москву? – спросил он тогда,

небрежно чертя пальцем вдоль ее позвоночника.

– А институт? – выдохнула она – и тут же поняла, какую сморозила глупость. Какой институт, когда сам Байгозин зовет ее к себе?

– Милая моя девочка. – Он закинул руки за голову и посмотрел на нее, прищурившись. – Ты хочешь еще три года потратить на никому не нужный диплом, а потом похоронить себя в офисе? Или реально построить свою жизнь, начать зарабатывать и увидеть всю страну с высоты птичьего полета? Танечка-Танечка... Не разочаровывай меня...

Разочаровать его?! Упустить шанс, посланный свыше? Шанс стать первой леди первого тренера? Боже упаси! Не такая уж она и дура! Они вместе помогут женщинам узнать свое предназначение, чтобы они больше никому не позволяли вытирать о себя ноги. Каждая достойна принца, надо лишь научиться мыслить позитивно.

– Какой Байгозин? – спросила тогда Танина мама. – Ему – тридцать шесть, тебе – девятнадцать. Ты совсем рехнулась?!

Бедная, бедная мамочка! Всю жизнь прожила с алкашом, который ее же потом и бросил. Руку поднимал, унижал, а она терпела, вместо того чтобы поверить в себя и расправить плечи. Она ведь это не со зла – запрещает идти к мечте. Она просто не умеет иначе.

И Таня уехала, даже не оглянувшись. Вещи толком не собрала: кому нужен багаж из прошлого? Там, впереди, все будет иначе. Правда, выяснилось, что Байгозин предлагает ей

только работу, не жилье.

– Мы не будем друг друга ценить, если ты сразу переедешь ко мне, – сказал он. – Поверь: мне не жалко. Но ты только-только обрела себя, тебе надо повзрослеть, научиться ценить себя. Стать самостоятельной. Иначе как ты будешь уважать себя? А я буду рядом, моя хорошая. Я тебе помогу.

И Таня с радостью принялась взрослеть. В мыслях не было обижаться на Колю: он ведь хочет ей только добра. В Москве нашлась бывшая одноклассница Люська, которая согласилась делить аренду пополам, на улице Тане ночевать не пришлось. Работы, конечно, свалилось прорва – от организации выездов до ведения мотивирующих страниц в соцсетях. Да, понадобилось освоить тонкости продвижения. Да, делать это надо было в свободное от работы время. Но Байгозин по-прежнему любил ее! И показал ей страну – пусть не с высоты птичьего полета, а из окон плацкартного вагона, – но обещание-то свое выполнил. И Таня честно ждала, когда же наконец он решит, что она повзрослела окончательно, предложит съехаться или расписаться. Четыре года ждала, но при любой попытке затеять пресловутый разговор «о нас» Байгозин неизменно трепал ее по щеке, улыбался и говорил:

– Танечка, хорошая моя. Не забивай голову. Не порть момент. Я с тобой – и это главное.

Временами закрадывались сомнения, гнусенько скреблись изнутри. Иногда – орали на ухо Люськиным голосом:

– Он кобелюга, не видишь, что ли? Ох, Тандыр, балда

ты...

Тане не нравилась ни кличка Тандыр, ни мысль о том, что Коля может ей изменять, но Люська была не из тех, кого можно так просто заткнуть. Каждый, кто ненароком оказывался поблизости, выслушивал ее экспертное мнение по любому вопросу. Мнение, не слишком отполированное вежливостью. «Зато честно», – утешала себя Таня.

Что Люська может понимать? Простая маникюрша, неотягощенная философией Байгозина. Она не знает, что такое любовь, саморазвитие, духовные ценности. Или завидует. Коля – он ведь... Он заботливый, нежный. Ну и что, что иногда не отвечает на звонки или исчезает вечерами? Ему надо работать. Писать лекции, читать книги, прорабатывать материал. А то, что от него иногда пахнет чужими духами или в «молнии» застрял длинный светлый волос...

– Глупышка моя ревнивая, ты же видишь: ученицы подходят ко мне постоянно, просят сфотографироваться. Или ты хочешь, чтобы я им запретил? Зазвездился, как какой-нибудь голливудский актеришка? – Байгозин целовал ее, заглядывал даже не в глаза – в самую душу, и Тане становилось стыдно за жлобство, мещанство и собственнические истерики. – Я нужен людям, и если ты этого не понимаешь, то ты все еще маленькая жадная девочка, которая не хочет делиться игрушками. Ты ведь не такая, нет?

Конечно, нет! А если и такая – то совсем немножко, глубоко внутри, а Коле об этом знать необязательно. То есть не

Коле, конечно. Нику. А Таня – исправится. Потому что иначе Ко... Ник найдет себе другую, а она останется ни с чем, ничтожная, никому не нужная, такая же, как до встречи с ним. Ревность – это балласт. Яд. Зло. Байгозин знает о чем говорит.

Вот и теперь Таня корила себя за поспешные выводы. На мгновение ей показалось, что Ник хочет заманить грудастую девицу в примерку ровно за тем же самым, чем только что занималась Таня. И этот его затуманенный взгляд, и гор- танный голос, издали напоминающий брачное голубиное «уруру»... Вот она и пошла на поводу у собственной подозрительности, а в результате стоит со спущенными трусами в общественном месте. Стыдно. И перед Байгозиным, и перед собой. И хорошо еще, никто не застукал.

– Николай Артемович, машина готова... – Дверь хлопыстнула о противоположную стену, и у Тани крапивкой обожгло щеки, словно удар пришелся по ней.

Красков. Смотрит на нее так... Фу. Тане захотелось натянуть на голову непрозрачный пакет. Думает, наверное: «Шефская подстилка». Трусы ведь не видно из-под юбки? И в примерке не пахнет сексом? Черт, какое ей вообще дело до этого человека, когда сам Байгозин любит ее? Краскова наняли отвечать за безопасность, вот пусть ей и занимается, а у Тани есть самоуважение, между прочим.

– Сейчас будем, сумкихвати, – небрежно бросил Краскову Номер Первый.

Тот мазнул по Тане ехидным взглядом, так, вскользь. Подхватил сумки и, пригнувшись, чтобы не расшибить бритую голову о косяк, вышел.

И зачем только Ник нанял его?

– У человека моего уровня должна быть служба безопасности, – вот единственное объяснение, которое Байгозин дал по этому поводу.

Таня не поняла толком, какая безопасность нужна шефу. Телохранитель? Вооруженный охранник, который вытаскивал бы особо буйных адептов из зала? Или тот, кто будет подчищать отзывы хейтеров в Сети? С этим Таня прекрасно справлялась и сама, а потому разместила объявление «требуется телохранитель». Не ожидала, что откликов будет столько, но кризис породил армию голодных. Столько мужчин за день Таня видела лишь однажды, когда смотрела парад на Красной площади в День Победы. И тогда ей не понадобилось беседовать с каждым.

Претенденты на хлеб телохранителя разделились на две категории: чопники и гопники. Первые напоминали Тане отца, из каждого будто торчал бикфордов шнур запоя. У кого-то он слабенько тлел, у кого-то уже опасно подгорал, ясно было одно: рано или поздно рванет, и тогда Байгозин на неделю-другую останется без службы безопасности.

Вторые были куда моложе, без богатой спиртовой истории за плечами, но уж если бы Байгозина и надо было от кого-то защищать, то скорее от этих людей. Кто знает, в какой мо-

мент им пришлось бы в голову поискать прикурить.

Красков не попадал ни в один лагерь, ни в другой. Бывший полицейский и – внимание! – некогда даже ведущий «Милицейской волны», на вопросы отвечал односложно, по делу, и придраться Тане было не к чему. Разве что она никак не могла представить себе, как именно звучали радиопередачи этого молчуна. Судя по всему, как-то так:

– В эфире Иван Красков, если что – звоните «ноль два».

А потом час песен про валку леса в Сибири.

Так или иначе, ведущий Байгозину был без надобности, говорить он умел сам, а вот охранник зачем-то требовался. В том, что Красков может защитить, Таня не сомневалась. Эта двухметровая гора в черном костюме могла бы разогнать толпу уже одним своим видом. А если бы он еще и поздоровался... Словом, его боевые навыки Таня проверять не стала.

По непроницаемому лицу Краскова и его холодным и серым, как брюшко замороженной трески, глазам трудно было понять, рад он получить работу или в следующую секунду выйдет в окно. Он не просто не нравился Тане – он заставлял ее нервничать и ерзать, словно ей за шиворот накидали песка. Есть такие люди, от которых напрягаешься, не знаешь, что сказать, куда деть руки или смотреть, все позы кажутся неестественными, и в голове пульсирует только одна мысль: «Только бы он ушел». Так вот, рядом с Красковым Тане казалось, что она в лифте, набитом такими людьми. Но, кроме него, нанимать было некого.

– Ты так устала. – Байгозин подошел к ней сзади, размял окаменевшие плечи. – Тебе нужны горячая ванна, массажик... Потерпи, моя хорошая, прилетим в Москву, я только стоняю переодеться – и свожу тебя куда-нибудь.

– Говорят, вышла неплохая комедия. – Таня стряхнула дурацкие мысли, как налипшие колючие крошки. – Про женщину, у которой подпольное казино.

– Танюша, ну какое казино? – Он развернул ее к себе. – Мы же проговаривали, что масс-культура разжижает мозги. Дешевая жвачка. Ты ведь не станешь есть промасленные гамбургеры? Насколько надо себя не уважать, чтобы довольствоваться ширпотребом! Он разрушает тебя изнутри. Не уподобляйся быдлу. Ты у нас что?.. – Он слегка наклонил голову, будто проверяя стишок у дошколенка.

– Достойна большего, – улыбнулась Таня.

– И никак иначе, – Байгозин удовлетворенно кивнул, а затем клюнул ее в висок. – Собирай документы, заполним в машине. И давай чуть поактивнее. Ты сегодня какая-то вареная.

Складывая бумаги, Таня все думала, как же ей повезло с Ником. Где встретишь мужчину, который хоть на секунду задумывается о том, что нужно женщине? Он не заботится о ней так, покровительственно, открывая двери, помогая с тяжелыми сумками или деньгами. Нет, он дает ей шанс вырасти, стать кем-то больше, чем безмозглой пустышкой. Воистину мудрейший человек.

Правило 2

Не верь людям на слово

– Ты правда веришь в этот бред? – Байгозин посмотрел на нее поверх очков тем самым взглядом, каким обычно смотрят на постоянного клиента телемагазинов.

Таня моргнула. Нет, она не считала себя такой уж наивной и полагала, что к двадцати трем годам научилась худо-бедно разбираться в людях. И она привыкла общаться с хейтерами, которые плевались на курсы Байгозина в Интернете и называли его шарлатаном. Мир не без идиотов, с этим трудно поспорить. Но женщина, которая буквально накинулась на Таню сегодня с утра, слабоумной не казалась. Ее боль... Не зависть, не озлобленность, а именно боль исходила ощутимыми волнами и поражала, как излучение урана.

Все началось с того, что Таня, вооружившись бумажным стаканчиком кофе и злаковым батончиком, взялась за настройку очередной контекстной рекламы. «Стань хозяйкой своей жизни» – и все в таком духе. Не обратила внимания на звонок дверного колокольчика, машинально настраивая географию и возраст аудитории. И лишь когда с воплем «Где он?!» к столу подлетела взлохмаченная женщина лет пятидесяти и швырнула на клавиатуру хозяйственную сумку, Таня поняла: этот день запомнится ей надолго.

– Кто, простите? – Байгозин учил ее всегда быть вежливой и разговаривать на тон тише собеседника.

– Этот... Этот... Ублюдок чертов!

Кроме Тани, в офисе находились всего двое: Красков отошел по нужде, а в кабинете шефа возился приглашенный на стройщик принтера. Но раз уж в коридоре висел широкоформатный портрет Байгозина, справедливо было предположить, что именно по его душу явилась голосистая дама.

– Если вы про Николая Артемовича, то его пока нет. Присаживайтесь, возможно, я смогу вам помочь.

– Да чем тут поможешь! – по инерции крикнула женщина, но в следующее мгновение будто постарела лет на десять, осунулась и послушно опала на стул. – Прячется за вашей юбкой, да? Как и все они...

Тане понадобилось несколько минут, чтобы все-таки выудить из странной гостьи причину ее прихода. Странной – потому, что на обычных клиенток Байгозина она не походила совершенно. На курсы толпами валили те, кто еще хотел чего-то добиться в жизни, изменить себя, найти состоятельного мужчину. Не просто выйти из девок, а сразу перепрыгнуть в категорию статусных женщин. А эта... По ее лицу, по краске для волос со свекольным отливом и дешевой синтетической блузке, глядя на которую так и слышишь голос рыночной продавщицы: «Ой, ну как на вас шили!», Таня могла без навыков экстрасенса считать и наличие внуков, и шести соток с парником, и мужа, который на своей «ласточке»

должен возить рассаду в этот самый парник. Подобные дамы скорее пойдут на концерт Стаса Михайлова или лекцию о пользе чайного гриба, чем к Байгозину. Так что она тут забыла – и чем Ник умудрился заочно ее разозлить?

– Моя дочь... – вздохнула женщина, вынула из сумки носовой платок и промокнула пот над губой и под крестиком, в том обгоревшем от однообразных декольте треугольнике, по которому, как по кругам древесины, можно безошибочно распознать возраст. – Она ходила на эту вашу... Ерундистику...

– И? – Таня с трудом удержала на лице вежливую улыбку.

– А то вы не знаете! Все! Как подменили! От мужа ушла, на семью... – На шее задрожала дряблая кожа. – Да как так можно-то? Судьбы людям ломать? А?!

Таня пока не услышала ничего конкретного, но чувствовала: женщина не просто не врет, но еще и с трудом держится, чтобы не расплакаться перед чужим человеком. На такой случай Байгозин никаких инструкций не давал, а блюсти кодекс стюардессы перед живыми эмоциями Тане казалось издевательством. И потому она молчала, не зная, как реагировать.

– Вот вы тут все сидите такие... Ага... А внука теперь мне поднимать? – Женщина снова начала заводиться, раскачивая децибелы. – Я не железная, я тридцать лет от звонка до звонка на швейном предприятии... Большого она достойна! А я? Сидит такая достойная, палец о палец не ударила! Этот

ваш, – она ткнула пальцем в брошюру, – про олигархов ей насвистел. Каким олигархам-то она беременная сдалась?

– Мы обычно не рекомендуем замужним...

– Не рекомендуют они! Вы бы своему-то балаболу не рекомендовали лучше хрен свой из ширинки вываливать куда ни попадя!

– Послушайте, он ничего никуда не... – У Тани даже язык не повернулся повторить такое непотребство. – Он уважаемый человек, психолог...

– Хренолог! – отрезала ветеранша швейного цеха. – Так и знайте, я до прокуратуры дойду!

– Николай Артемович не мог никому советовать уйти от мужа! Тем более в положении!

– Так до встречи с вашим Артемовичем моя Катя и не была в положении! Устроился! Деньги стрижет, да еще и под юбки лезет! Да за такое его бы при Сталине... – Скандалистка изобразила ножницы.

– Вы что-то путаете. Я поговорю с Николаем Артемовичем, он все объяснит. И, уверена, посоветует вашей дочери помириться с мужем, хотя бы ради ребенка.

– Обрюхатил – и мирить?! Да вы за кого меня тут!.. – Капиллярная паутинка на щеках приобрела пурпурный оттенок.

– Женщина, отойдите в сторону. – Красков появился как нельзя вовремя, и Таня впервые не пожалела, что наняла его.

– Головорезов своих на меня натравливать?! Я в прессу!

На телевидение! – После каждого слова женщина жадно глотала воздух. – На «Нельзя молчать»! И пусть берут у него ДНК!

– Сюда пройдемте. – Краскова, казалось, ничто не может выбить из колеи.

Даже если бы сейчас баламутка начала плевать шаровыми молниями, он бы с той же пуленепробиваемой миной достал огнетушитель. Вел себя так, словно каждый день только и делает, что выводит из зданий особо буйных людей.

Когда в кабинете от незваной гостьи остался только флер духов «Парижанка», Таня нашла в себе силы заговорить снова:

– Ты ведь не думаешь, что прокуратура найдет здесь состав преступления?

В любой другой ситуации она бы и не подумала интересоваться, что там думает Красков, но сейчас тишина слишком давила на нее, а после обвинений где-то глубоко внутри остался неприятный осадок.

– Спать с чужими женами Уголовный кодекс не запрещает, – равнодушно изрек Красков.

– Да ну... Он не мог с ней спать!

Фраза прозвучала настолько неуверенно, что не убедила даже саму Таню.

– Это как-то касается нас?

– При чем здесь... Просто Ник так не поступает. И он... – Таня хотела было сказать «встречается со мной», но оправ-

дываться перед Красковым? Нет. Она вообще ни перед кем не должна оправдываться, разве не этому ее учил Байгозин?

Красков, впрочем, от дискуссии отказался. Дернул плечом, мол, тебе виднее, и углубился в чтение с экрана смартфона, и Таня решила, что вопросы следует переадресовать Нику. И вовсе не потому, что она снова в нем засомневалась или поддалась губительному чувству ревности. Просто как всякая ответственная ассистентка должна была выяснить, чем подобные объявления грозят начальству – а вместе с тем и всему бизнесу. Только и всего, ничего личного.

Байгозин не стал краснеть, ахать или возмущаться. Просто сделал пренебрежительно-удивленное лицо, взглянул поверх очков:

– Ты правда веришь в этот бред?

– Но вряд ли она врет про то, что ее дочь ушла от мужа. И про беременность. – Никакой ревности! Доверие – основа любых отношений.

– Танечка, не верь людям на слово. – Он мягко взял ее руку и поцеловал в самую середину ладони. – Тебе еще встретится множество неудачников и завистников, неужели ты будешь растрачивать внутреннюю гармонию на подобные ничтожества?

Таня молчала, и Байгозин, видно, решив, что не до конца использовал свой дар убеждения, продолжил:

– Я не могу проверять паспорт у всех, кто ко мне записывается. И потом: разве можно винить женщину, которая

вышла замуж по ошибке, в том, что она пытается эту ошибку исправить? Сама посуди: твой отец пил, и тебе пришлось расти в нищете.

– Не такой уж и...

– А все потому, что твоя мама, – Байгозин раздраженно повел бровью: не привык, чтобы его перебивали, – не сумела вовремя разорвать порочный круг. Если бы она поверила в себя, в свою женскую привлекательность, если бы научилась с ней работать, то давно бы нашла приличного богатого мужа, и ты бы все детство жила как принцесса. Нельзя же обо всем судить так однобоко! Да, может быть, какая-нибудь моя ученица решила развестись. И в чем трагедия? Может, она спасла и себя, и будущего ребенка от такой вот жалкой участи. А что касается смешных обвинений насчет меня... – Он усмехнулся. – Танюш, ты как будто вчера родилась, честное слово. Женщинам, особенно глубоко неудовлетворенным, свойственно приписывать себе романы со знаменитостями. В каждой деревне есть какая-нибудь фантазерка, которая убеждает всех, что у нее сын от великого актера или певца. Таков побочный эффект моей славы: мне приписывали и будут приписывать всякие нелепости. И я думал, ты научилась мыслить критически и отметить подобную ерунду на корню. Я ведь не ошибся?

– Я просто уточнила. – Таня отвела взгляд.

– И это правильно. – Байгозин приподнял ее подбородок, заставляя снова посмотреть в глаза. – Надеюсь, я развеял

твои сомнения.

– Да.

– Тогда подумай лучше, что ты наденешь на наш сегодняшний романтический ужин. Имей в виду: я хочу, чтобы это был особенный вечер.

Таня сглотнула от неожиданности. «Романтический ужин», «особенный вечер» – для любой девушки, которая находится в отношениях дольше года, такие слова могут означать лишь одно: «Я хочу сделать тебе предложение». Таня мысленно призывала себя закатать губу, но рефлексы были сильнее. Ник раньше не акцентировал внимание на том, что свидание будет не простым, а тут еще и подмигнул загадочно. Разумеется, Таня не собиралась раздувать из мухи слона, трезвонить всем друзьям и знакомым, лезть на сайт со свадебными платьями... То есть ведь можно же просто интересоваться, какие фасоны сейчас в тренде? Без особой надежды? Предложит – хорошо, нет – ничего страшного. А может, он созрел наконец, чтобы жить вместе. Люся, конечно, расстроится, потому что на двоих снимать двушку куда выгоднее, чем одной – однушку, но она поймет, не может не понять! Таня представляла, как вытянется лицо соседки, когда та услышит, что Байгозин надумал перейти на следующую стадию. «Помагросит – и бросит», «у него таких, как ты, – задницей жуй»... И это только начало длинного списка фраз, которыми Люська за глаза награждала Таниного кавалера.

– Скептики повсюду, – говорил Байгозин на своих лекци-

ях. – Но не позволяйте вам разрушать вашу веру. Только вы решаете, о чем можно мечтать, только вы строите свою судьбу, остальное – мусор у ваших ног. Отбросьте его!

И Таня отбросила. В тот день она готовилась к вечернему свиданию так тщательно, как другие собираются на награждение в Кремль. Отчего-то вдруг ей особенно сильно захотелось доказать и Нику, и самой себе, что она заслуживает его любви. Она – лучше других девушек, потому что они могут только фантазировать о таком мужчине, а у нее, у Тани, мечты становятся явью. И если бы Красков увидел ее сейчас, в этом утонченном маленьком черном платье, такую хрупкую – и вместе с тем элегантную и уверенную в себе, то не стал бы источать сарказм насчет походов Ника. И пусть он не произнес вслух, что Таня – наивная простушка, которая верит в мужскую моногамность, но ведь подумал же! Наверняка подумал, в этом нет никаких сомнений. А все потому, что из-за офисного дресс-кода считал ее серой – ну, или рыжей – мышью, которая в рот заглядывает своему шефу и в упор не видит, что он спит с другими. Байгозин вот разглядел в ней нечто особенное, значит, это особенное и правда есть. И вместо того, чтобы изводить себя ревностью, надо радоваться, что он выбрал ее одну.

Ник даже позвонил ей аккуратно в ту секунду, когда Таня о нем подумала. Спешно сунула ноги в туфли на каблуках, прижала локтем клатч – и только потом ответила на звонок, готовая уже кинуться к лифту, – Ник ведь, наверное, уже

сидит внизу в такси и ждет ее.

– Все-все, бегу, – выпалила она, напоследок оглядев свое отражение в зеркале: перед свиданием это никогда не бывает лишним.

– Танечка, – Байгозин протянул это таким голосом, что Таня застыла в шаге от двери. – Видишь ли, тут такое дело... У меня изменились планы. Ты ведь еще не успела нарядиться?

– Не-е-ет, что ты. – Она прислонилась к стене и сбросила туфли, мгновенно потеряв десять сантиметров роста и все радужные надежды на вечер.

– Очень хорошо, что ты у меня такая копуша. Я бы предложил тебе сходить куда-нибудь поужинать одной, можно даже за мой счет, но раз уж ты все равно не готова... Отдыхай. Иногда очень полезно просто побыть в тишине, это дает тебе возможность заглянуть в себя.

И Таня заглянула. Потому что смотреть на себя снаружи ей уже не улыбалось. Увиденное не воодушевляло: где-то внутри обиженно дулась маленькая, никому не нужная девочка. Показывать кому-то еще, что она все еще существует, Таня не хотела. Ведь чем сильнее тебя жалеют окружающие, тем больше соблазн начать жалеть себя, а это прямой путь к депрессии и зажору. Поэтому, нацепив самое спокойное из своих лиц, Таня направилась на кухню к Люсе.

– Твой-то что, опять соскочил? – Люська облизнула палец, с которого дегустировала подливку, и сыпанула в кастрюлю

еще перца.

Глядя на Танину соседку, можно было предположить, что она заядлый любитель мучного и сладкого, но Таня знала: это не так. С виду плюшево-зефирная, как дочка игрушечного медвежонка и советской куклы из стихов Барто, Люська была истинным поглотителем огня. По-другому Таня не могла назвать ту жидкую лаву, которую обычно готовила ее подруга. Кайенский перец, васаби и прочие порошки и приправы занимали целый кухонный шкаф. И порой Тане казалось, что если собрать их все в железный ящик, то вышла бы не хилая такая взрывчатка. Поэтому, когда Люська из вежливости предложила разделить трапезу, Таня молча мотнула головой.

– Значит, продинамил опять. Паскуда! – Люська плеснула красно-рыжее варево в тарелку.

– У него дела.

– Знаем мы такие дела, – Люська недвусмысленно похлопала ладонью по сжатому кулаку.

– Так про каждого можно сказать. Коля еще не давал мне повода сомневаться.

– Тю! Не давал он! Да он весь – один большой повод сомневаться. Говорю тебе: залезь к нему в телефон – и все! Ох, хорошо пошло, – последние слова относились уже не к Байгозину, а к мясному рагу.

Таню передернуло: и от рагу – раз уж самой Люсе хорошо пошло, то у простого смертного в желудке бы давно зи-

яла выжженная дыра, – и от предложения. Лазить в чужих телефонах? Это как-то... Нет, есть люди, которые не гнушаются искать бесплатную еду в просрочке, списанной в супермаркете. Есть журналисты, которых не грызет совесть с пеной у рта продвигать пропартийную агитку. И есть жены, которые не просто самозабвенно копаются в мужниных гаджетах, взламывают аккаунты в соцсетях, пишут с фейков, чтобы проверить на верность, а под капот машины цепляют GPS-трекеры. Стать такой же? А что потом? По ночам лезть мужу в трусы и тайком брать мазок на весь спектр венерических болячек? Ревность – наркотик едва не сильнее остальных и вдвое опаснее, потому что для нее не нужен рецепт и ее не лечат в специальных диспансерах.

– Я уважаю его личное пространство. – Таня поджала губы.

– Ты даже говоришь как он! – с набитым ртом возмутилась Люська. – Задвигаешь всю это хренотень! Самой не противно?

– Я говорю не как он, а как правильно.

– Слушай сюда, Тандыр! – Люська со стуком бросила вилку на стол. – С мужиками надо просто: либо ты со мной, либо пошел топтать другую курицу. Не женился за четыре года? На кол его!

– Ты так рассуждаешь, как будто мужчины – какие-то...

– Кобели? А так и есть. Природа, тут хоть в лоб, хоть по лбу. Просто какие-то умеют головой думать, а какие-то за

фигулькой своей тянутся, как за путеводной звездой.

– Но Коля-то умный...

– Коле твоему голова нужна только для того, чтобы под свои кобелизмы подгонять научную базу. Вот и все. И тебя он морочит, чтобы ты за него грязную работу делала.

Байгозин постоянно говорил Тане, что ей завидуют. И сейчас проще всего было бы списать Люськины слова на зависть. Еще бы: у самой уже полгода никого нет. Маникюрит чужие ногти – вот и вся карьерная лестница. Но что-то Тане подсказывало, что Люська сейчас куда счастливее. По крайней мере, выглядела она вполне довольной и на Байгозина восторженные взгляды не бросала. А если она не завидует, если не хочет сделать подруге гадость из соображений классической женской дружбы, то зачем тогда говорит такие вещи? Почему из раза в раз упорно убеждает Таню бросить своего единственного кавалера? Может, где-то и бывают девушки, которым нравится одиночество, но Таня-то точно к таким себя не причисляла. Мечтала о крепком мужском плече, о браке, о статусе жены. Разве есть в этом что-то плохое? Она ведь не строила коварные планы, как охомутать олигарха, просто мысль быть нужной кому-то всегда ее воодушевляла.

Да, теперь даже она понимала, что отношения с Байгозиным далеки от идеальных. Четыре года назад она была на седьмом небе, но пыл поугас, радужные обещания так и зависли в воздухе, а предложения обменяться кольцами не по-

следовало. И даже бог с ними, с кольцами. Хотя бы жить вместе! Допустим, Коля не изменяет ей. Таня готова была отказать от низменных проявлений ревности. Но почему же он до сих пор держит ее на расстоянии вытянутой руки? Не пускает в свою жизнь – и элементарно, в свою квартиру! Таня – она ведь компактная. Полтора метра с кепкой, тридцать шестой размер обуви. Не женщина, а во всех отношениях удобный походный вариант. Не храпит, не ходит по дому в трусах, не ест сухари в постели. Все это Байгозин наверняка успел узнать за четыре года. Так что в ней не так?

Таня уже собиралась пойти переодеться и порефлексировать на голодный желудок, но телефон зазвонил снова, и на сей раз вместо фотографии Байгозина на экране высветилась загадочная надпись «номер скрыт».

– Да? – ответила Таня, готовая услышать автоматический голос, расхваливающий новую кредитную программу или очередной выгодный тариф.

– Он тебя не любит, поняла? Он – мой! – выдохнула в трубку какая-то женщина.

«Ей бы озвучивать злых королей в голливудских фильмах», – промелькнуло у Тани в голове. Но вместо этого она просто переспросила:

– Кто?

– Ник спит с тобой из жалости! А женится на мне!

– Простите, а кто это?

– Его любимая женщина! Оставь его в покое, дрянь! –

И звонок сорвался.

Правило 3

Заставь других уважать тебя

– Нет, она в конец берега попутала! – Стоило Тане пере-
сказать свой короткий разговор с незнакомкой, как Люська
вскочила из-за стола, воинственно сжимая вилку.

– Да ладно... Может, пошутил кто. – Таня сама в это вери-
ла слабо, но становиться Люськиной соучастницей не хотела.
С холодным оружием, с огнем в глазах и в желудке она могла
бы с легкостью переступить через несколько статей Уголов-
ного кодекса.

– Ага, то-то я смотрю, ты смеешься! – Люська сердито за-
сопела. – Давай звони своему. Спрашивай, что за шмара.

– У него же дела...

– Тандыр! Звони, кому говорят!

У Тани при себе не было ничего, кроме вежливости.
У Люси – вилка. Таня справедливо рассудила, что вежливо-
стью глаз не выколешь, а потому послушно взялась за смарт-
фон и ткнула в фотографию Байгозина. Она заранее знала,
что он ответит. Мол, бред это все, не надо верить сумасшед-
шим – и все в таком духе. Однако ничего подобного Таня не
услышала. Один звонок, другой, третий... Трубку Коля так
и не поднял.

– Наверное, занят. – Таня робко покосилась на соседку.

– Отлично, – выдала Люська. – Дай мне пять минут.

– На что?

– На сборы. Поедем, поглядим, чем он там таким занят.

– Может, я лучше завтра у него сама спрошу...

– Нет. Сегодня – и никаких его тухлых отмазок. Сами посмотрим.

Пока Таня придумывала, как бы от этой затеи отказаться, Люся уже ретировалась с кухни, и спустя мгновение из ее комнаты раздался скрежет старого шкафа-купе.

– Зараза! Починить надо... – Люся это говорила каждый раз, когда открывала или закрывала скрипучую дверцу, но дальше ругани дело не доходило.

Эта перебранка Люси с мебелью стала традицией, своеобразным ритуалом. В деревне люди просыпаются под крик петухов и кудахтанье кур, Танины же дни начинались со скрипа, глухого удара по древесине и Люськиного фирменного «Зараза!» И пусть сейчас этот набор звуков донесся до Татьяны на ночь глядя, она не сомневалась: спать ей уже не придется, потому что Люська выходит на тропу войны.

Танина соседка принадлежала к числу тех счастливых людей, которые принимают решения быстро, не изводя себя муками выбора, и всегда твердо знают, что и как делать. В детстве Люська руководствовалась принципом «бей первой». Когда в третьем классе учительница объявила о появлении новенькой и представила детям пухленькую девочку со смешными тугими косичками, Таня внутренне съежилась

и подумала: «Вот бедолага! Сейчас такое начнется...» Слишком хорошо знала своих одноклассников, в особенности – компанию задир-хулиганов, для которых толстушка была по определению жертвой и поводом поупражняться в нехитром детском остроумии. Насчет бедолагы Таня ошиблась, а вот в остальном попала в точку: «такое» действительно началось. Уже на второй перемене Славку Вахрушева привели в медпункт с разбитым носом, а после уроков мама Димы Мальцева обнаружила, что у ее ненаглядного чада недостает целого клок волос. Самих драк Таня не видела, мальчики жаловаться не стали, но с того дня до самого выпускного Люсю никто не решался дразнить.

После школы Таня не встречалась с бойкой одноклассницей пару лет, а когда перебралась в Москву, то обнаружила, что ничего не изменилось. Люся упрямо шагала по жизни, а всех, кого в ней что-то не устраивало, скручивала в бараний рог и заставляла себя уважать. К примеру, прошлой весной Люсе стукнуло в голову, что неплохо бы научиться водить. Таня ужаснулась: Москва! С ее трафиком, бессмысленным и беспощадным! Тут ведь и пешеходом-то быть небезопасно, какая машина?! Но Люся купила подержанный «УАЗ Патриот», упрямо села за руль, и московские дороги сдались под ее натиском. А если кому-то хватало беспечности крикнуть в окошко свои соображения на тему женской манеры вождения... Что ж, эти несчастные не ведали, что творят.

И сейчас, забираясь на пассажирское сиденье Люсиного

броневичка, Таня молилась только об одном: чтобы Байгозин был действительно занят работой. Она не любила скандалов и разборок и, если бы не этот странный звонок, ни за что бы не подпустила Люсю к своему кавалеру. Но если уж та вбила себе в голову, что Байгозина надо проверить на вшивость, то лучше в эту секунду находиться рядом. Хотя бы в качестве бампера.

«Патриот», будто предчувствуя недобрый настрой хозяйки, жалобно закрхтел, не желая заводиться.

– Зараза! – Люся ударила по рулю. – Опять свечи?

– Вот видишь? Давай лучше завтра я сама, а ты отгонишь в сервис...

– Переплачивать этим жуликам? Да щас! Что я, свечи не поменяю?

Таня не знала наверняка, способны ли машины испытывать страх, но «Патриот» завелся в ту же секунду. И в податливом бормотании двигателя Тане на мгновение послышалось: «Тише, тише... Только не под капот...»

Они подъехали к дому Байгозина уже через полчаса.

– Выходи, – скомандовала женщина-скорость.

Таня вылезла в прохладный июньский вечер, и спину обсыпало мурашками. Некоторые боятся неизвестности, Таня же подсознательно боялась правды. Куда комфортнее прятаться в уютном коконе заблуждений! Ни тебе трудных решений, ни гадких, изматывающих эмоций.

Нет, наверное, ни одного человека, который бы за всю

жизнь ни разу не слышал анекдота из серии «муж вернулся из командировки на день раньше». Кто-то даже находит подобные истории смешными. А что делать с такими открытиями, если они случаются с тобой? Как поступить? Таня не знала, сможет ли пережить предательство человека, который последние четыре года был для нее всем. Простить? Слишком трудно. Забыть? Невозможно. Но и бросить мужчину, ради которого она отказалась от прошлого... Как?! Расписаться в собственной никчемности? Осознать, что все, что она делала, было зря?

Нет, нет и нет. Он просто работает. Он предан своему делу. Та женщина – одна из шизанутых фанаток. Байгозин не может так поступить с Таней. Он – хороший.

Таня повторяла это про себя как мантру снова и снова, заходя в подъезд, нервно вдавливая кнопку лифта. Люсе легко, это ведь не ее судьба разлетится, как стройная композиция кеглей в боулинге. Она просто зашвырнет тяжеленный шар – и завтра, как ни в чем не бывало, отправится делать кому-то дизайн ногтей. А Таня? Ей-то куда идти?

Люся уверенно шагнула из лифта и обернулась к подруге:
– Где?

Хорошо хоть вилку дома оставила.

Вздыхнув и отчаянно пытаясь настроиться на позитивный лад, Таня кивнула на черную железную дверь. Люся нажала на кнопку звонка, и из квартиры Байгозина послышалось мелодичное бульканье.

– Там кто-то есть. – Приложив ухо к двери, Люська задумчиво прищурилась. – Вот паскуда! Не один!

– Здесь такая слышимость. – Таня сцепила замком ледяные пальцы. – Может, соседи...

– Да хватит уже! – зашипела Люська и с новой силой атаковала звонок. – Может, то, может, се... Ты откроешь сегодня или нет?

Байгозин либо не слышал звонка, либо попросту отсутствовал, потому что к двери так никто и не подошел.

– Я лучше гляну с улицы, горят у него окна или нет...

– Сразу не могла посмотреть?

– Не подумала как-то... Я сейчас... – И Таня уже спустилась на пару ступенек, подсознательно оттягивая время, как птичку в рогатке из «Angry Birds», но вдруг услышала голос Байгозина и будто выросла в заплеванный бетон.

– Кто? – В этом недовольном окрике трудно было узнать тренера номер один, но Таня бы ни с чем не спутала этот тембр, за четыре года ставший родным.

– Соседка! – ничтоже сумняшеся, отозвалась Люська. – Вы нас заливаете!

– У меня все краны закрыты...

– Вот пусть аварийники приедут, дверь вам взломают и смотрят, закрыто или нет! – Люська виртуозно импровизировала. – У меня ремонт свежий, я с этим в суд...

Да, не родился еще человек, который не капитулировал перед Люськиным напором. И не успела она договорить, как

замок щелкнул, и на лестничной клетке стало подозрительно тихо.

Танино сердце трепыхалось, как ленточка, привязанная к вентилятору. Ноги онемели, страх какое-то время боролся с любопытством, но из первого же раунда вышел безоговорочным победителем. Оторваться от ступеньки, сделать несколько шагов, чтобы заглянуть в лицо реальности, Таня не смогла. Кляла себя за малодушие, но так и не пошевелилась.

Пару месяцев назад она шла домой с работы и увидела неподвижное тело мужчины неподалеку от подземного перехода. И по идее, ей следовало подойти и узнать, в порядке ли он, жив ли. Но гаденький голосок изнутри зашептал: «А если труп? Ты потом сможешь это развидеть? А спать по ночам?» И Таня, ненавидя себя за трусость, прошла мимо. Вот и сейчас ей овладело то же чувство, только теперь оно не гнало ее прочь, а парализовало.

Изо всех сил она вслушивалась в то, что происходит чуть выше, и готова была уже сползти по стенке в небытие, как Байгозин наконец заговорил снова.

– Ты? – озадаченно спросил он. – Ты-то здесь что забыла?

– Шмара твоя что забыла! – парировала Люська. – Значит, работает он, да? Это что за девка там?

– Не собираюсь я тут выслушивать всякий бред...

Судя по звукам, Байгозин попытался закрыться: до Тани донеслись шорохи, скрипы, сопение борьбы, невнятное «пу-

сти», но хлопка двери так и не последовало.

– Это чьи туфли, а? – напирала Люська, чуть запыхавшись. – Ах ты...

– Ник, это кто там? – услышала Таня третий, незнакомый ей женский голос.

– А ну иди сюда! Иди! Зараза... Глаза она на меня выпучивать будет... Таня! Таня! Иди, курицу эту фаршировать будем!

Но Таня была уже далеко. Появление посторонней девицы подействовало на нее, как выстрел стартового пистолета, и она ломанулась вниз, едва попадая по ступенькам. Вылетела из подъезда, по инерции добежала до ближайших кустов и, согнувшись пополам, распрощалась со скудным офисным обедом.

– Вот проститутки! Совсем стыд потеряли! – изрекла из приоткрытого окна не в меру наблюдательная бабка и тем самым поставила точку в нравственном падении Татьяны.

Возвращаться наверх было бессмысленно. Как, впрочем, и вообще жить дальше. Пошатываясь от бессилия, Таня доковыляла до «Патриота», плюнув на любимое черное платье, облокотилась на пыльный бездушный капот. Где-то вдалеке слышалась музыка, приправленная нестройным гомоном пьяных голосов, у парковки цвела сирень. Лето, романтика.

Таня плохо понимала, сколько времени она уже вытирает «УАЗ», когда Люська наконец злая и под завязку накачанная адреналином появилась на горизонте.

– Ты совсем, что ли? – выдохнула она, уперев руки в бока. – Да мы бы вдвоем ее на раз ушатали!

– А смысл, Люсь? – Таня даже не подняла головы. – Что бы это изменило?

– Как что? Ты ведь не собираешься ему это спустать?

– Я сама виновата...

– Э нет! – Люська дернула подругу за локоть и развернула к себе. – То есть... Тебе, конечно, все говорили, но сейчас не об этом. Он ноги об тебя вытирал, гнида! Такое прощать нельзя!

Таня открыла рот, чтобы возразить, но слова слиплись, перемешались в неудобоваримую жижу, и рот пришлось захлопнуть. Что тут скажешь? Да, вытирал. Да, она вошла в длинный список наивных женщин, которых мужчины держат за дур. Ведь чувство собственного величия, наверное, плохо колосится, если нет на заднем плане невзрачной мямли. Но разве Байгозин виноват в том, что Таня – бессловесная мышь? Он не делал ее такой, просто подобрал, обогрел – и заставил поверить, будто она что-то собой представляет. И она с такой готовностью заглотила эту розовую пилюлю! Сама! Завиляла хвостиком, радостно разинула рот и распахнула уши. Лей туда, Коленька, все, что хочешь! Так ей и надо теперь. Он был прав в одном: никого лучше она себе не найдет.

– Открой машину. – Таня нетерпеливо дернула за ручку.

– Просто сбежишь, да? – угрожающе нахмурилась Люсь-

ка.

Но поскольку ответом ей было молчание, все же смирилась и, поворчав, достала из сумки ключи. Таня села, пристегнулась, уставилась невидящим взглядом перед собой. Белая голубиная клякса на лобовом была тем единственным, что связывало ее в эту секунду с реальностью.

– Я понимаю, тебе хреново. – Люська влезла на водительское сиденье и зашвырнула сумку назад. – Но так тоже нельзя! По щам ему, чтоб неповадно было! Я б ему, гаду, своими щипчиками все, что можно, отстригла... Но дело твое.

Мечь. Когда дело касается кого-то другого, люди обожают размахивать кулаками, сыпать проклятиями и придумывать варианты казни. Иной раз с трудом верится, что говоришь с человеком из двадцать первого века в цивилизованной стране. Не из аула или колумбийской деревушки, где глаз за глаз, клан на клан и прочие прелести кровной мести. Нет, самые простые мирные жители со средним или даже высшим образованием с пеной у рта рассуждают о четвертовании и острозаточенных кольях. А что бы и не порассуждать-то в самом деле, если не им потом протирать задницей скамью подсудимых? Удивительно, насколько простыми кажутся чужие проблемы. Решение всегда на поверхности: «Да пошли ты его, поставь на место, он ногтя твоего не стоит!» И куда только девается вся эта житейская мудрость, когда доходит до собственных неприятностей? Свой-то мужик – и не подонок вовсе. По пьяни с кем не бывает? Зато любит,

прощения попросил, шубу приволок. Родной ведь, как его выгонишь.

Таня даже жалела, что согласилась приехать. Какие-то полчаса назад она была счастливой, уверенной в себе женщиной. Еще чуть раньше – готовилась к свиданию, мечтала о браке. Зачем? Зачем ей позвонила любовница Коли? На что рассчитывала? Она-то изначально знала, что Байгозин встречается с другой, так к чему ей такой мужчина? «Он любит меня». Ха! Любит – и поэтому спит с Таней? Хорошо, ты устранила соперницу. Радуйся. Только вот надолго ли? Думаешь, он изменится и станет верным порядочным человеком, который всегда возвращается домой к ужину, а на выходных возит тещу на дачу?

Нет, даже Таня, несмотря на свою непроходимую наивность, отлично понимала, что горбатого могила исправит. Выходит, эта девица, которую Люська с легкой руки окрестила шмарой, добилась лишь одного: испортила жизнь Тане. Но за что?! Таня-то чем успела все это заслужить?!

– Только не смей из-за него реветь! – нахмурилась Люська.

– Не буду. – Таня отвернулась к окну, потому что в носу защипало от слез.

Парадокс психологии: хочешь заставить человека плакать, скажи, чтобы он этого не делал.

– Нет, ты погляди на него! Бессмертный, что ли? – Люська вытянула шею, вглядываясь в синеватый вечер, и угрожающе

схватила за руль обеими руками.

Если кто-то в небесной канцелярии решил, что пора бы ткнуть тебя мордой в правду, то можешь сколько угодно бегать по лестницам и прятаться в соседском «Патриоте»: приговор уже вынесен, и от него не уйти. Сквозь солоноватый туман Таня увидела, как Байгозин, ее Коленька, ее наставник, любовник и первый мужчина, галантно выводит из подъезда высокую женщину в красном, вырви глаз, платье. Он смотрел на нее так же, как обычно смотрел на Таню, правда, снизу вверх, а не наоборот. Что-то вещал с улыбкой, и хоть Таня не слышала, что именно, но почти не сомневалась: примерно это он говорил и ей тоже. И кто знает, скольким еще глупышкам.

А потом они остановились у скамейки, Байгозин и его новая пассия. Он потрепал ее по щеке теми же, черт возьми, руками, которыми ласкал Таню. И поцеловал до кучи. Так жадно, будто хотел всосать в себя целиком. Не человек – вантуз. Сколько страсти! Матросы после дальнего рейса, год не видевшие живой женщины, пожалуй, с меньшим рвением набрасываются на портовых куртизанок. Но ведь Таня с ним еще только вчера... Откуда этот голод? Неужели она, несмотря на все старания, не удовлетворила его? Или просто успела наскучить? Конечно, где уж с ней разгуляться: грудь, которая заполняет лифчик первого размера, только если последний как следует простирать в горячей воде. Попа, которой при всем желании не выйдет соблазнительно покачивать. Мож-

но, конечно, расстараться, но будет больше похоже на вывих бедра, и привлечет это разве что травматолога. А у этой девицы, как принято говорить, все на месте. Как бы Таня ее ни ненавидела, пришлось признать: в конкурсе красоты та бы ее обскакала в два счета.

– Ты чего сидишь, а? – не унималась Люська. – Пошли, навалием...

– Не надо, – Таня с трудом узнала собственный голос, до того жалко и безжизненно он прозвучал.

– Нет, он сам, скотина такая, напрашивается! – Люся включила зажигание и слегка пригнулась, явно намереваясь пойти на таран. – Где, говоришь, его тачка?

– Не на-до! – отчеканила Таня и схватила подругу за рукав. – Слышишь? Просто поехали домой.

Люся еще долго бухтела на тему слабохарактерности, но Таня сосредоточилась на том, чтобы не впасть в анабиоз по дороге домой. Если у некоторых людей в моменты стресса организм включает все скрытые резервы, турбины, запасные двигатели и шарашит на износ с давлением под сто восемьдесят и пульсом не меньше ста, то Таня обычно от волнения погружалась в состояние лягушки под коркой льда. Все реакции замедлялись, мозговые шестеренки вращались со скрипом, то и дело застревая. И не исключено, что если бы кто-нибудь решил в тот момент измерить Танину температуру, то с удивлением констатировал бы полное совпадение с комнатной.

Дома Татьяна отключила телефон, улеглась под одеяло, вытянувшись по струнке, и так, в позе Ленина, разве что с распахнутыми сухими глазами, провела всю ночь, а наутро с грацией робота собралась на работу.

Люся пыталась выяснить, какой вид казни Таня избрала для Байгозина и как именно собирается донести мысль «чтоб ты сдох, скотина, я от тебя ухожу», но Таня на все вопросы лишь рассеянно пожимала плечами и отвечала:

– Не знаю.

В этом она не лукавила. Она понятия не имела, что делать дальше. Силилась представить лицо Байгозина, приблизительный ход разговора, но всякий раз мозг выдавал синий экран, подобно зависшему компьютеру, и отключался. Да, по идее, она не могла больше быть с Колей. И не быть с ним тоже не могла. Просто не умела иначе. Быть, не быть... Гамлетовская дилемма, в которой каждый вариант отвратнее другого.

– Замок заело? – Спокойный голос Краскова вторгся в сознание Тани, и она обнаружила, что стоит перед офисной дверью, сжимая ключ.

– А? – Таня растерянно моргнула.

– Ясно. Веселая ночка? – И снова этот сарказм с намеком на ее неуставные отношения с Байгозиным.

Таня была уверена, что вот прямо сейчас расплатится, окончательно опустившись в глазах этой русской версии Брюса Уиллиса, но неожиданно для самой себя расхохоталась. Истошно. До слез. Смеялась так, что свело все мыш-

цы разом, сотрясалась всем телом, как смертник на электрическом стуле, – и не могла остановиться. Представляла, как выглядит со стороны, – и хохотала еще сильнее.

– Эй! – спохватился Красков.

Надо отдать ему должное: лишних вопросов он задавать не стал. Подскочил к Тане, взял за плечи и тряхнул так, что ее голова безвольно мотнулась, словно у игрушечной собачки, которых особо креативные товарищи лепят на приборную панель. Смех заклокотал в горле и стих, а Красков обеспокоенно заглянул в Танины глаза. Склонился, что-то высматривая, и на мгновение Тане показалось, что он ее сейчас поцелует. И это чуть не вызвало новый приступ истерики: вот это аттракцион! Всего сутки прошли, а она из девушки тренера номер один превратилась в обманутую любовницу, а потом – в бабу простого охранника. И Таня бы уже не удивилась, если бы через час обнаружила себя в байковом халате на кухне коммунальной квартиры с поварешкой в руке и тремя чумазыми отпырысками у подола. Впрочем, хотя бы здесь высшие силы проявили милосердие, потому что целовать Таню Красков не стал, а вместо этого взял ее за подбородок, повернул лицом к свету и изрек:

– Наркотики?

Какая прелесть! Проститутка, наркоманка... Ни дать ни взять, многогранная личность! Остатки самоуважения всколыхнулись в Татьяне, и она с гордым видом стряхнула мясистые лапы бывшего мента.

– Дайте пройти. – Одним движением отперла дверь офиса и с ходу воткнулась в ростовую картонную копию Байгозина. Ну, как ростовую... Сантиметров на двадцать выше оригинала. – Это что?!

– А Николай не предупредил? – Красков подхватил макет за секунду до его падения. – Это образец рекламы для «Синтезии».

– Почему я ничего не знаю? – Таня с упреком взглянула в отпечатанные на принтере глаза Байгозина.

– Не ко мне вопрос, – пожал плечами Красков. – Но я его понимаю: хочешь сделать хорошо – делай сам.

Таня сглотнула очередную обиду. Еще немного – и у нее внутри не осталось бы места даже для лишнего вдоха, – так много всего пришлось глотать за прошедшие сутки. Она считала себя если и не перворазрядной красоткой, то хотя бы незаменимой помощницей, правой рукой. Оказывается, правой рукой она все же была – но служила она аккуратно в тех же целях, в каких пользуются правой рукой прыщавые подростки, познающие собственное тело.

Каждый шаг давался Тане с трудом, но до своего стола она все же дошла, аккуратно положила сумочку с краю и вытащила из лотка чистый лист бумаги. Села, взяла ручку и образцовым почерком вывела по центру страницы: «Заявление».

Писала не торопясь, будто на уроке каллиграфии. Буква к буковке, как говаривала учительница в начальных классах.

«Прошу уволить меня по собственному желанию...» Это была ее лебединая песнь. Каждый человек, которому приходится жечь мосты, хочет уйти красиво, только вот представления о красоте у всех разные. Кто-то предпочитает устроить сцену, разбить о стену сервиз-другой или припечатать оппонента язвительной шуткой о размере мужского достоинства. Таня хотела оставить после себя образцовое заявление. Быть может, Байгозин, увидев его, осознал бы, что никогда у него больше не будет такой старательной девушки.

Что еще? Запасные колготки из нижнего ящика стола. Рабочая косметичка. Почти пустая упаковка из-под таблеток от головной боли. А, и сувенирный рыжий мышонок, который уже третий год сидел под монитором. Все. Как будто здесь никогда и не было человека по имени Татьяна Полтавцева.

– Уже уходите? – удивленно окликнул ее Красков, когда она уже перекинула сумочку через плечо.

– Слушайте, а вы хоть немного разбираетесь в телефонной безопасности? – вдруг спросила Таня.

– Так себе. А зачем вам?

– Если мне звонили со скрытого номера, я могу как-то узнать, кто это был?

– Теоретически, да. Самое простое – заказать детализацию вызовов. Если что-то серьезное, я могу проверить. Вам угрожали? – Красков будто почуял что-то неладное: напрягся, как ищейка, учуявшая след, подошел к Тане.

– Нет-нет, все в порядке, – она выдавила жалкое подобие

улыбки, чем явно напугала Краскова еще сильнее. – Ах да, и передайте Николаю ключи от офиса, пожалуйста.

– Зачем?

Красков окинул ее взглядом Шерлока Холмса. Наверное, перед его глазами в это самое мгновение всплывали подсказки. Складки на блузке – собиралась второпях. Сжатые в ниточку губы – нервничает и что-то скрывает. Сувенирный мышонok, колготки, косметичка... Собирается уйти с концами?! От внезапной догадки Красков изменился в лице, резко обернулся и увидел на Танином столе заявление. Метнулся туда, схватил бумагу и, пробежав по ней глазами, ошарашенно уставился на беглянku:

– Это как?.. Подождите, а Байгозин знает? Вы предупредили?..

В любой другой день Таня бы вежливо и обстоятельно ответила на любые допросы, но сегодня от одного упоминания Байгозина к горлу подкатил тугой ком.

– Простите, – выдохнула она, бросилась вон из офиса. Так торопилась, что снова задела рекламный макет, споткнулась и выронила мышонка. Тот, звякнув, разлетелся на рыжие осколки. Что ж, покойся с миром, маленький друг.

Правило 4

Проговаривай страхи вслух

– Таня! Что за фокусы? Как это вообще понимать?! – Байгозин стоял под дверью и уже минут пять садировал кнопку звонка.

Таня поставила телефон на режим «в самолете», спрятала ноутбук, чтобы не было соблазна заходить в соцсети, и думала, что на этом окончательно огородилась от прошлого. По крайней мере, раньше Николай никогда не утруждал себя лишними телодвижениями, чтобы связаться с ней. Но что-то в этом мире явно пошло не так: мало того что Байгозин явился напрямик к Тане, так еще и ломился в дверь, как большевики в Зимний дворец. Господи, неужели нельзя просто оставить ее в покое? Таня и так избавила его от неприятных объяснений. Все же яснее некуда: она знает о любовнице, смириться с положением двадцатой наложницы в гареме не может. Зачем?! Зачем еще мусолить это? Или ему кажется, что он сделал ей недостаточно больно?

Таня терпела, старательно затыкала уши, но когда даже соседи застучали по батареям, собралась с духом и отправилась на заклятие.

– Что тебе нужно? – Она приоткрыла дверь на цепочку.

– Пусти сейчас же! – Байгозин попытался просунуть руку,

но чуть не застрял и, отдернув ладонь, подул на пальцы. –
Что за детские выходки?

– Я оставила заявление.

– Это я понял. Я спрашиваю: какого черта?! Контекстная реклама приостановлена, как ее оплачивать, я понятия не имею. И это все за неделю до «Синтезии»! Ты издеваешься?! Тебе внимания не хватает? Решила набить себе цену? Это же форменное предательство! Имей в виду, я такое не прощаю!

Предательство. Так высокопарно – и так забавно слышать это именно от него. Таня даже сняла цепочку, чтобы все-таки заглянуть в глаза человеку, который имеет совесть обвинять ее в своих же проступках. Байгозин же воспринял открытую дверь как извинение и приглашение к действию: заулыбался и с хозяйским видом ввалился в квартиру, протягивая к Тане пухлые руки.

– Сразу бы так, Танюша! – промурлыкал он. – Иди ко мне...

Но Таня отшатнулась, как если бы он протянул к ней бензопилу.

– Я все знаю, – холодно ответила она. – Про ту женщину.

Байгозин застыл, словно Таня вдруг заговорила на суахили.

– Что?.. Ах это, – отмахнулся небрежно. – Все понятно. А я ведь говорил тебе: женская дружба – иллюзия. Эта хабалка... Как ее... Люба? Она тебе просто завидует. Ты ведь не веришь в то, что она тебе наплела?

– Люся, – машинально поправила Таня. – И да, верю.

– Боже, с тобой еще работать и работать, – обреченно вздохнул Коля. – Хорошая моя, ну она же примитивная баба и вертит тобой. Такие, как она, ничего не могут добиться своими силами, вот она и идет по головам. По твоей очаровательной головке. – Байгозин хотел было потрепать Таню по щеке, но она вовремя увернулась. Мысль о любом физическом контакте сейчас вызывала у нее отвращение. – Танечка, девочка моя, да что с тобой! Ты пускаешь в себя чужой негатив, и...

– Я видела, как ты целовался с этой... женщиной.

Байгозин растерялся, но ненадолго. Не просто же так он называл себя тренером номер один и вел тренинги, доводя женские стада до духовного экстаза: что-что, а языком он умел работать как бог.

– Ты про эту бедняжку? – Он жалостливо вздохнул. – Она просто влюблена в меня... Угрожала сотворить с собой что-то страшное... Я просто утешил ее – и, разумеется, позвонил своему другу, клиническому психологу, чтобы он...

– Хватит. Пожалуйста, – взмолилась Татьяна. – Я больше не могу!

– Ты о чем? – Байгозин всегда стремился производить впечатление человека умного и знающего, но сейчас, казалось, искренне не понимал, как вообще кто-то может не падать перед ним ниц от восторга.

– Просто уйди. – Таня обхватила себя руками. – Я не буду

с тобой работать, не хочу тебя видеть. Пожалуйста, не мучай меня!

– Ты что... Выгоняешь *меня*?! – Прямоугольные очки сползли на кончик носа, и Байгозин подслеповато заморгал. – Я ведь все для тебя... Я вытащил тебя из этой дыры, сделал из тебя настоящую женщину... Ты... Да кем бы ты вообще была?..

– А что у нас дверь нараспашку? Заходи, бери что хочешь! – Люська вкатилась в прихожую ровно в ту секунду, когда Таня уже висела на волоске от отчаяния. – Ты, значит. – Люся повесила сумку на крючок и, засучив рукава, двинулась на Байгозина. – Страх совсем потерял, да? Приперся он сюда!

– Таня! Танюша!.. – Женский гуру, переводя взгляд с побледневшей Тани на пунцовую от ярости Люсю, попятился к двери. – Скажи ей!..

– Ах ты!.. – Люська обшарила взглядом коридор и схватила первое, что попало на глаза: железную ложку для обуви.

Байгозин мигом растерял шарм и кошачью вальяжность, съежился.

– Я женщин не бью!..

– Тебе же хуже!

Раз! – и ложка обрушилась на его плечо.

– Танечка!..

Два! – удар пришелся по ребрам.

– Имей в виду: ты меня не вернешь!..

Три! – Люська подняла ногу на святое, и Байгозин, завыв, скрючился, сделал шаг назад и, зацепившись за порог, рухнул навзничь.

До этого Таня молчала, даже не пытаясь остановить возмездие, потому что где-то в глубине ее души проснулось темное альтер эго, со вкусом наблюдающее, как карма в Люськином лице восстанавливает справедливость. Теперь же злорадство уступило место страху: ведь так и начинаются дела об убийстве по неосторожности! А если Байгозин расшибет затылок? Как бы Таня ни обижалась на него, видеть содержимое его черепа на лестничной клетке точно не хотела.

– Перестань! – Оттащив грозную соседку, Татьяна склонилась над бывшим: – Ты цел?

Байгозин нащупал слетевшие очки, водрузил их на законное место и, злобно блеснув линзами, встал.

– Вот так, значит, да? – с тихой угрозой осведомился он. – Что ж. Будь по-твоему. Больше ты меня не увидишь.

– А-а-аллилуйя! – пропела Люська у Тани за спиной.

– Еще приползешь, будешь прощения просить... – Байгозин на всякий случай отошел подальше, к лифту. – Но я тебя не приму!

– Переживет и без такого недотырка! – Люська отодвинула подругу, снова замахнулась ложкой, но лифт появился как нельзя вовремя, и Байгозин молнией нырнул в спасительную кабину. – Вот паскуда... Значит, бросила его все-таки! Молодец! Так ему!

– И уволилась, – сообщила Таня задумчиво.

Впервые в жизни она гордилась собой. Не потому, что ее похвалили, просто вдруг по-настоящему была уверена, что поступила правильно. На этом, правда, вся радость от момента закончилась. Розовые очки спали, крылатые единорожки, порхавшие в животе от байгозинского словоблудия, растворились в желчи, и на языке появился горьковатый привкус реальности. Четыре года, два месяца и... Сколько там? И пятнадцать дней. Все это время со смачным хлюпом всосалось в канализацию. И кто она теперь? Безработная девица в чужом городе. Ни высшего образования, ни финансовой подушки безопасности, ни перспективы брака – хотя, как выяснилось, ее и не было изначально. Как все это назвать одним словом? Очень просто: никто. Никто со здоровенной такой буквы «Н».

– Ты же не собираешься плакать из-за этого лоха чилийского? – Люська вернула ложку на место и с подозрением покосилась на оцепеневшую Таню.

– Нет, – искренне отозвалась та. – Но кому я теперь нужна?

– Шутишь? Мужиков-то в Москве – задницей ешь.

– Да я не про это. Аренду платить надо, а у меня работы нет. И квалификации...

– С арендой разберемся, если что. Я заплачу. На отдых откладывала, но... Раз уж такое тут. Развейся слегонца. Бабу его найди, надо ей хотя бы шины проколоть, я не знаю.

Или это... – Люська усмехнулась. – Мне тут одна в салоне рассказала. Короче, у своего в телефоне какую-то лахудру нашла. Он ее еще Федором Палычем записал, затейник. До этого додумался, а переписку потерять – нет. И вот открыла, значит, клиентка моя сообщения посмотреть, что за Федор Палыч названивает кобелю ее в два часа ночи... А там фотки-то, фотки! Ну, говорит, и сиськи у этого Палыча!

– И что она сделала?

– Ну, по мне, лучше б сразу ему этим телефоном по щам, но она говорит: муж, как-никак. Дети, все такое. Зарплата, опять же, косарей двести, черная. Вот так выставишь – а он будет алименты по сто рублей переводить. – Люська скривилась, всем своим видом демонстрируя презрение к сильной половине человечества. – Короче, она телефончик этого Палыча скопировала – и не поленилась рекламу запустить. Досуг, мол, сауна, полный пакет услуг. А главное – как-то там намудрила, чтобы эти объявления муж увидел. Представляешь? Сразу романтику начисто смыло!

– Очень остроумно, – съязвила Таня. – Проще было в подъезде на стене написать. Такая-то, такая-то, пенсионерам скидки.

– Вот! – Люська всем была хороша, но сарказма не понимала с детства. – Видишь? Попер креатив, родимый! Давай мы с тобой по пятьдесят, как говорится, за свободу, курицу эту выследим – и по сусалам ей, по сусалам!

– Да не собираюсь я мстить! – подала голос Таня.

Однако Люська уже завелась не на шутку.

– В принципе можно не бить, – размышляла она вслух, витая где-то в облаках сладостной мести. – Ты ведь рекламу такую умеешь настраивать? Представь: рожа твоего кобеля – и подпись: «Самый маленький пипидастр в мире!»

– Пипидастр – это щетка для пыли. И потом...

– Ну да, ну да... И как-то слишком просто. Лучше так: «Размер не имеет значения!» И этот твой Коленька. – Люська изобразила рекламную улыбку и подняла вверх большой палец. – А?! Скажи же, шикарно! Пошли, замутим, а потом уж можно и по пятьдесят.

– Не, Люсь...

– Ну, как скажешь. Можно и сначала по пятьдесят, если прям трубы горят.

– Людмила! Ватутина! – окрикнула Таня замечтавшуюся соседку. – Послушай, я не буду мстить! Ни ему, ни ей! Никому!

– Как?.. – Люськино лицо разочарованно вытянулось.

– Я думала ей позвонить, а потом... Это унижительно, понимаешь? Не хочу! Мерзко все это! – Таню передернуло. – И вообще: работу надо искать.

– Уверена? Нет, сама смотри. Но ты ж у него не одна такая! Он девиц толпами дурит. И все слушают, разинув рот, верят в эту пофигень. А он им жизни ломает. Кто-то влюбится, кто-то, не дай бог, залетит. И что, так это и оставишь? Пусть кобелирует на здоровье? Раз сошло с рук, значит, мож-

но?

У Тани в памяти всплыла вчерашняя посетительница, чья дочь якобы ушла от мужа из-за Байгозина и, возможно, даже умудрилась от последнего забеременеть. Теперь эта история уже не казалась столь абсурдной: тот, кто сходил налево однажды, вполне мог проворачивать этот трюк и десять, и двадцать раз. А та девушка на последнем тренинге? Саратов или Самара... Не суть. Значит, Байгозин планировал затащить ее в примерку отнюдь не за деловой беседой? И в Волгограде, и в Воронеже, и в этом, как его... Усть-пере-что-то-тамске... Вот подлец! И ведь мастерски выворачивал все так, что Таня сама чувствовала себя параноиком. Наивно верила, будто просто напридумывала себе всяких глупостей... Люська права: Байгозин способен искалечить не одну судьбу. Другое дело, что Таня не находила в себе моральных сил, чтобы спасти таких же униженных и оскорбленных дурочек, как она. Это было бы благородно, да. Но копать снова и снова в похождениях бывшего, подспудно представляя, в каких позах он сношал случайных женщин, пока она, Таня, пускала слюни и грезила о белой фате? Нет, слишком тяжело и омерзительно. Она не Человек-паук и даже не летучая мышь, чтобы встать на страже справедливости ценой собственной жизни. Если бы Таня и превратилась в какого-нибудь супергероя однажды, то уж скорее в девочку-мышь. А таким положено сидеть в норе и не высовываться.

Конечно, вслух признаться в подобном малодушии Таня

не могла. Уж не Люське, это точно. А потому из-за того же пресловутого малодушия Таня попыталась изобразить благородство.

– Пусть это останется на его совести, – сказала она, стиснув челюсти для пущего эффекта. – Для меня это закрытый этап – и точка. Я устраюсь на новую работу и просто пойду дальше.

Жаль, только в старинных сказках работает формула «сказано – сделано». Может, оттого, что в древние времена не слышали о кризисе, может, оттого, что не сочинили еще волшебную историю о специалисте по контекстной рекламе. Если бы Таня умела, к примеру, пахать, кашеварить или полоскать в реке белье кверху задом, то сейчас ей бы не пришлось заполнять анкету на сайте. Пошла бы к какому-нибудь царю или купцу, и уже через пять минут была бы трудоустроена. К сожалению или к счастью, эпоха сказок канула в небытие вместе с царями и Кощеями, а вместо Бабы-Яги появилась проблема пострашнее. И имя ей – безработица.

В этом Таня убедилась на следующий же день, когда выложила свое нехитрое резюме во Всемирную паутину и принялась ждать улова. Раз закинула невод запроса – пришел невод с одним просмотром, да и тот от самой Татьяны. По вакансиям кликнула корпоративным – и остались клики без ответа. Словом, золотой работодательской рыбкой так до самого вечера и не запахло.

– Этот твой Интернет – фигня, – глубокомысленно изрек-

ла Люська, когда за ужином Таня рассказала о своем бедственном положении. – Надо искать по знакомствам.

– Но у меня нет таких знакомых! Все остались в Уфе, а здесь я работала только с Колей...

– Говорила же, он тебе всю жизнь испохабил, – Люська фыркнула и вооружилась телефоном. – Так, чем ты там занимаешься? Реклама? Бумаги?

Таня хотела уже ответить, но вдруг поняла, что не знает, как одним словом описать свою работу. Она делала... Да все понемногу, наверное. Договаривалась с организаторами, заказывала брошюры, освоила даже графические редакторы и полиграфическую программу. Вела соцсети, строчила мотивирующие посты, бронировала гостиницы – и да, настраивала контекстную рекламу. Но какое все это имеет значение, если у нее в трудовой было написано просто: «помощник руководителя». Таня попыталась сбивчиво перечислить все свои обязанности, но с каждым словом лицо Люси принимало все более отсутствующее выражение.

– Ясно. – Вздохнув, она протянула гаджет подруге. – Набивай сама. Прямо пиши конкретно: умею то, се, SMS...

– SMM, – поправила Таня.

– Вот-вот, именно это я и имела в виду.

– А кому писать-то?

– Это неважно. Главное, чтобы было понятно, что без тебя бизнес ну вообще не выдюжить.

Таня послушно расписала все, в чем когда-либо помогала

Байгозину, присовокупила программы, в которых умела работать, и простыня вышла внушительная.

– Другое дело! – Люська даже не стала читать. – Вот, теперь добавим: «Одна моя знакомая...» – ее пальцы запрыгали по дисплею. – «Я сразу вспомнила о вас... Такой...»
СпИце – или СпЕци-?

– Чего? – Таня не успевала за Люськиным полетом фантазии.

– По фигу, напишем «профессионал». Подожди, два «ф» или два «с»? – Люська раздраженно поморщилась: русский язык не входил в число ее любимых предметов. – Короче, «профи». Теперь рассылаем...

– Кому? – снова спросила Таня, снедаемая чувством «без меня меня трудоустроили».

– Да всем подряд, – беспечно отозвалась Люська. – Кроме мамы и бабушки: эти точно не шарят.

– Слушай, если на сайте вакансий никто не ответил, то тут...

– А это ты зря! У меня знаешь какие клиентки есть? Думаешь, дорогущий маникюр делает кто попало? Такие бизнес-леди... Яйца побольше, чем у твоего Байгозина. Кстати, о яйцах. Хочешь мексиканский омлет?

Таня, конечно, любила омлеты, но слово «мексиканский» вкупе с Люськиной патологической страстью к душераздирающим специям отталкивало. Не каждый может похвастаться язвоустойчивым желудком, а потому Таня просто вежли-

во покачала головой. Ее вполне устраивала овсянка, залитая кипятком.

– Дело хозяйское. – Люська вытащила из холодильника все необходимое, но не успела она разбить и одного яйца, как телефон разразился трелью. – О! Не иначе, по твою душу!

– Вряд ли...

– Да? – Люська прижала смартфон плечом к уху. – А, насчет работы? – И бросила на Таню победоносный взгляд. – Нет, еще актуально. Да она вот тут сидит, сейчас дам трубочку...

Таня не сразу справилась с удивлением, но как только до нее дошло, что Люська и вправду уделала всю индустрию онлайн-кадровиков одним изящным движением, то спешно проглотила остывшую овсянку, вытерла рот и ледяной от волнения рукой перехватила гаджет.

И снова Люська оказалась права: такими полезными связями, как маникюрша, похвастается не каждый опытный пиарщик. Таню пригласила на собеседования одна из любительниц идеальных ногтей, а по совместительству – начальница отдела маркетинга в крупной клинике пластической хирургии.

Все складывалось так, что Тане верилось с трудом: ей предлагали работу, на которой она собаку съела. С поводком и ошейником. Аудитория – женская. Все те же соцсети, все та же настройка. Но в отличие от Байгозина Лариса, ее потенциальный босс, предлагала официально оформить кра-

сивую должность, полный соцпакет, да еще и персональную скидку на услуги клиники. Не то чтобы Таня собиралась в ближайшее время что-нибудь себе откромсать или пришить, но ведь приятно же!

– А выйти когда нужно? – Таня изо всех сил старалась не звучать слишком радостно, да и Люська жестами призывала ее быть солиднее и снисходительнее. Мол, только и успеваешь отбиваться от предложений.

– Как вам удобно, – ответила Лариса. – Но у нас девочка уволилась, работы по горло, так что чем скорее, тем лучше.

– То есть прямо завтра?

– Просто идеально. Только не забудьте паспорт, СНИЛС, трудовую...

– Эм-м-м... – Таня замялась, вспомнив одну незначительную, но на редкость неприятную деталь. – А можно трудовую попозже? Я еще не забрала ее с прошлого места работы.

– Нет, давайте вы сначала заберете, а потом уже к нам, – в интонации Ларисы промелькнула настороженность. – Где, говорите, вы раньше работали.

– Байгозин. Женские тренинги, саморазвитие, коучинг...

– Да-да, я где-то слышала. А уволились почему?

– Почему уволилась? – Таня беспомощно уставилась на Люську. – Ну...

– Скажи, захотелось чего-то нового, – яростно зашептала та. – Только не говори про эти ваши...

Продолжать ей было необязательно. Таня хоть и не так ча-

сто искала работу, но догадывалась: секс с боссом – не лучшее украшение для резюме.

– Видите ли, я немного разочаровалась в его программе, – продолжила она под одобрительные кивки Люськи. – Решила вот сменить сферу деятельности, заняться тем, что действительно интересно и нужно. Или хотя бы не вредно.

– Ясно, – по этому короткому слову трудно было понять, что на самом деле думает Лариса, но энтузиазма в ее голосе явно поубавилось. – Тогда ждем вас завтра с документами.

Таня, конечно, поделилась сомнениями с Люсей, но та пребывала в эйфории от своих безграничных возможностей. Вдохновенно колдовала над огненным омлетом по-мексикански, нараспев рассуждала о том, не открыть ли ей свое рекрутинговое агентство, а от Таниных паникерских «а если...» отмахивалась, как от продавцов, которые разгуливают между машинами в пробках и предлагают амулеты от сглаза.

В конце концов, Таня и сама уверовала в светлое будущее и беспокоилась уже не о том, получит ли она вожеленную должность, а о том, в какой блузке она будет лучше смотреться в свой первый рабочий день на новом месте.

Этим вечером Таня уснула с улыбкой: на дверце шкафа висел идеально выглаженный костюм, на столе аккуратной стопкой лежали ксерокопии паспорта, а удобные туфли-лодочки, отполированные донельзя, блестели так, что перед ними можно было краситься безо всякого зеркала.

Впрочем, идиллия продолжалась недолго. А именно – до

восьми часов пятнадцати минут, когда Таню с зубной щеткой во рту выдернул из ванной настойчивый звонок телефона.

– Алло, – отплевавшись, произнесла она в трубку.

– Это Лариса, – продублировала женщина надпись на экране. – Я говорила с вашим бывшим начальством... Вы вчера неточно указали причину увольнения, так что на данный момент мы вашу кандидатуру рассмотреть не готовы.

– Но как? – Таня переложила телефон в другую руку. – Подождите, я же действительно четыре года выполняла всю ту работу...

Но Лариса уже бросила трубку, оставив Таню в полнейшем недоумении.

На негнущихся ногах она прошла в комнату к Люсе, которая как раз наводила марафет перед работой.

– Что там такое?! Кто помер? – выдохнула та, уставившись на Танино бледное лицо.

– По ходу, Байгозин что-то наговорил про меня Ларисе... Мне отказали.

– Вот козел! – с чувством выругалась Люська. – Да ты не переживай, сейчас мы еще кому-нибудь позвоним. Вот Марина была, погоди...

И она набрала сразу двум постоянным клиенткам. И те вроде были не против пообщаться с Таней, однако обе спросили про прошлую работу. Ведь не могла же Таня им соврять? Конечно, она назвала фамилию Байгозина. А потом, с разницей в пятнадцать минут, перезвонили. Первая – Тане:

– Вы извините, конечно, но хорошо еще, что вам дали заявление по собственному написать! – возмущенно выдохнула в трубку Марина. – Я бы вас по статье уволила! – И не успела Таня выяснить, по какой конкретно, отключилась.

Вторая дама даже не стала связываться с Таней, обратилась прямиком к Люсе:

– Как вам не стыдно, таких людей предлагать! А я еще к вам маникюр делать ходила... Позор!

Правило 5

Никогда не сдавайся

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети, – неустанно повторял равнодушный механический голос. А потом, на случай если Таня не понимает по-русски, дублировал то же самое на английском.

– Да что ж такое! – Всклобоченная со сна Таня не разбила телефон лишь по одной причине: не было денег на новый. – Он издевается!

– Он тебя просто в черный список добавил, – пробормотала Люся, вытянув губы, чтобы накрасить ресницы.

– Как?.. Нет, за что?! Я ему ничего такого...

– А я тебе говорила, – с упорством автоответчика напомнила Люська. – Запусти свою рекламу, оставь его без клиентов, и посмотришь, как он тогда запоет.

– Думаешь, он рассказал, что я с ним спала?

– Почему я знаю! – Люська закрутила тушь и удовлетворенно окинула взглядом свое отражение в зеркале. – У этого придурка фантазия через край. Может, от себя добавил. Типа ты сначала его, честного и порядочного, соблазнила, потом клофелина подсыпала, ограбила, вынесла всю бухгалтерию и сожрала, не моргнув глазом. Не удивлюсь, если он и налоговой то же самое рассказывает.

– Да не мог же он... До такой степени... – Тане отчаянно не хотелось в это верить, но теперь она уже не знала, что и думать о Коле. Он выглядел таким злобным, когда Люся колошматила его ложкой... Нет, ладно бы просто кобель! Но опуститься до мести? И, главное, с какого перепугу именно он счел себя жертвой? Это ей, Тане, полагалось обижаться, мстить и творить всякие непотребства, как и полагается всякой уважающей себя бывшей. Что ему, баб мало? Кто-кто, а он без плотских шалостей не останется. Со своими-то пышногрудыми фанатками! Да любой половозрелый мужчина на его месте был бы счастлив, как шопоголик в черную пятницу. Одной больше, одной меньше – кого это заботит, когда за дверью выстроились стройными рядами еще десятки девиц?

– Ты не загоняйся. – Люся расправила плечи, крутанулась перед зеркалом и сняла с крючка ключи от машины. – Я сегодня еще поспрашиваю, а там разберемся. Прижмем эту сволочь, Байгозина, и пусть сам звонит Ларисе и остальным. Типа он-то думал, что она про какую-то другую Таню спрашивала. Была, мол, Таня плохая, а ты – совсем другое дело...

– Ага, – вяло отозвалось совсем другое дело.

– Не кисни, Тандыр. – И на этом Люська отправилась пилить людям ногти, а Таня снова осталась одна на своем черном и беспросветном днище.

Часа два она сидела на кухне в ночнушке и разглядывала стык обоев, пыталась приклеить отошедшее от стены полотно канцелярским клеем, пока наконец не осознала, что

занимается слегка не тем делом. Взяла себя в руки, переоделась и впервые за всю историю прямо так, без макияжа, направилась в офис Байгозина. С трудовой – или на щите, но она вернется домой только тогда, когда Коля соизволит лично объяснить.

В офисе гуру женского саморазвития жизнь текла своим чередом, словно Таня и не увольнялась. За ее рабочим столом сидела новенькая, подозрительно напоминающая предшественницу: тоже рыжая, тоже миниатюрная, разве что в очках. Байгозин будто подбирал ассистентку не только по ее квалификации, но и постарался, чтобы та идеально вписалась в интерьер. Только теперь, взглянув на свою преемницу, Таня заметила, что рыжие волосы гармонируют с персиковым оттенком стен и рамками из итальянского ореха, в которых красовались бесчисленные дипломы и грамоты Байгозина.

Интересно, эту новую мышку тоже зовут Татьяна? А что: было бы удобно. И не потребовалось бы привыкать к другому имени.

– Танечка, – будто услышав Танины мысли, крикнул Байгозин из своего кабинета. – Вы сделали рассылку по новому тренингу?

Таня, которая Полтавцева, чуть не рассмеялась. Фантастический цинизм!

– Николай Артемович, я – Лена... – робко подала голос танезаменительница.

Ну, хоть на этом спасибо. А ведь мог бы не тратить времени даром и приучить новенькую, что имя – всего лишь набор звуков, и если она хочет по-настоящему повзрослеть, то могла бы и на Таню откликаться.

– Конечно-конечно, Леночка. Вы уж простите. Бывшая секретарша оставила после себя такой бардак... – Байгозин чинно выплыл из кабинета и, споткнувшись взглядом о Таню, резко замолчал.

А она впервые в жизни задумалась, не ударить ли человека. Наверное, соседство с Люськой не пошло ей на пользу, а склонность к насилию оказалась заразной, но вдруг, неожиданно для самой себя, Таня обнаружила, что стоит, расставив ноги на ширину плеч, и яростно сжимает кулаки.

Темное альтер эго, что проснулось в ней, когда Люська отхаживала Байгозина ложкой для обуви, стремительно росло, заполняло худенькое тельце, а кровавая пелена поднималась перед глазами.

Бардак, значит? Да у нее на рабочем столе даже скрепки лежали в специальных контейнерах строго по цветам! А такого порядка в файловой системе еще не видывал мир со времен разработки Windows-98. Любой, самый далекий от компьютеров человек нашел бы нужную информацию с полклика. Другая бы на месте Тани не просто ушла, а сожгла бы за собой и мосты, и документацию, и, возможно, офис. Ни упрека, ни сцены, ни осколков стекла по всему полу. Да о такой бывшей любой мужчина с переизбытком тестостерона

мог бы только мечтать. Бардак...

– Что ты наговорил обо мне людям? – прорычала Таня.

Возможно, со стороны она смотрелась забавно: как чихуа-хуа, возомнившая себя доберманом. Но предохранители слетели, и остановиться Таня уже не могла. В висках пульсировал адреналин, ноздри раздувались, и это странное чувство то ли подъема, то ли какого-то внутреннего драйва ей отчего-то нравилось. Она сосредоточилась лишь на одном: не сорваться и не броситься на Байгозина. И не потому, что гуманизм, а потому, что уголовный кодекс.

– Правду, – захорохорился тренер номер один. Видно, еще не успел соблазнить новенькую, а потому из кожи вон лез, чтобы соответствовать образу альфа-самца. – Что ты не соответствовала занимаемой должности. В рабочее время занималась какой-то ерундой, неизвестно куда спускала рекламный бюджет. И по-хамски исчезла накануне важного мероприятия, поставив мое участие под угрозу. Я подумал, надо предупредить людей, разместил информацию у себя на сайте. А в чем проблема?

– В чем?.. Ты... Ты издеваешься?! – Таня хватала ртом воздух, будто ее со всей силы ударили в солнечное сплетение. – Рекламный?.. Да там все отчеты... Просто зайди в кабинет настройки... И я никогда не... А сайт!.. Я же его тебе помогала делать! И ты там... Обо мне...

– Танечка, не опускайся еще ниже, вспомни о самоуважении. – Байгозин снисходительно качнул головой. – Знаю,

тебе всегда было наплевать на то, что я делаю, но хотя бы вспомни основы. Держи голову высоко поднятой, никогда не сдавайся. Ты еще найдешь свое место в жизни, если научишься уважать себя и свою работу.

– Это шутка, что ли? – Таня с трудом сдержалась, чтобы не прочистить уши пальцем. Ведь он не может говорить все это всерьез?! Как у него до сих пор не отсох и не почернел язык от такой откровенной лжи? Если верить Таниной бабушке, во рту Байгозина давно должен был ворочаться скукоженный, как черносливина, отросток, и вместо слов все бы слышали лишь козлиное бляенье.

– Прошу, не трать мое время на эти бессмысленные разговоры. – Байгозин выдержал драматическую паузу. – Просто будь благодарна, что я не стал увольнять тебя по статье, и уходи. У меня завтра новый тренинг.

Нет же! Не отсох! И на бесстыжем лице не дрогнул ни единый мускул, а глаза поблескивали за линзами очков от воистину христианского смирения. Мол, будь счастлива на свои тридцать сребреников, Иуда Полтавцева, я отпускаю твои грехи.

От неожиданности Таня не сразу нашлась что ответить, и потому Байгозин окончательно почувствовал себя победителем. Леночка восторженно взирала на него со своего места, он же выглядел как именитый актер, к ногам которого фанаты швыряют цветы, мягкие игрушки и трусики, надрываясь от истошного «Браво!». Видно, не зря Николай был тез-

кой золотого голоса России. Восторг принимал с привычной небрежностью. Мол, видите, Леночка, как следует поступать с людьми, которые нарушают вашу внутреннюю гармонию.

И Таня вдруг четко поняла: что бы она сейчас ни сказала, ее никто не услышит. Да и кому она что докажет? Байгозин либо осознанно врет как сивый мерин, либо искренне верит в свою непогрешимую святость. И хорошо, если первое, потому что второе – диагноз, который не факт, что лечится. А Леночка... Что ж, когда-то Таня была на ее месте. И все, кому не лень, – и мама, и подруги, и всякая седьмая вода на киселе, – в один голос говорили ей, что Байгозин просто морочит ей голову. Но разве она поверила? Нет. Таня была вынуждена признать: Коля не лишен таланта. Люди часто слушают в новостях пугающие истории про секты и финансовые пирамиды и думают при этом: «Это ж каким надо быть дураком, чтобы на такое купиться?! Вот если бы меня попытались втянуть в такую мутную схему, да я бы их на раз два вычислил». А потом проходит год или два, и те самые скептики фигурируют в криминальных сводках как жертвы очередного Кашпировского.

Таня ведь тоже считала себя умной, а свою психику – устойчивой. И ничего, как миленькая повелась на вкрадчивый голос, прописные философские тезисы и короткие, но шустрые пухлые пальчики. В какой-то степени она была теперь даже благодарна Колиной любовнице. Может, она и хотела Тане навредить, но, сама того не зная, спасла, разрубив

липкую сахарную паутину иллюзий, которые Байгозин плел вокруг Тани последние четыре года.

– Верни, пожалуйста, мою трудовую книжку. – Гнев отступил, злодейское альтер эго, зевнув, свернулось клубочком, и у Тани в голове вдруг прояснилось, как после шторма.

– Так бы сразу и сказала. К чему были эти истерики? – Байгозин смерил ее осуждающим взглядом и отошел в кабинет.

На сей раз Таня на провокацию не повелась. Оставшись один на один с преемницей, она подошла к своему бывшему рабочему столу.

– Если есть вопросы, могу рассказать, что тут как, – улыбнулась миролюбиво, пытаясь скрасить неловкую паузу.

– Я вас к компьютеру не пушу! – взъерепенилась Леночка. – И навредить Николаю Артемовичу у вас не выйдет!

Таня чуть не разбила себе лицо ладонью. Боже! Девочка работает тут без году неделю, а Байгозин уже прочистил ей мозги железным ершиком. Или, чтобы не мучиться особо, нанял уже готовую адептку своего культа? И неужели со стороны Таня сама выглядела такой чокнутой?

Да ни у кого не выйдет навредить Николаю Артемовичу, раз уж до сих пор не вышло! Таня сразу вспомнила, как сидела на этом же самом месте и с пеной у рта убеждала незнакомую женщину, что Байгозин не мог разрушить брак ее дочери. И от этой мысли на душе стало на редкость погано, захотелось хоть как-то залатать зияющую прореху в карме.

– Послушайте, Елена. – Таня покосилась на дверь байгозинского кабинета. – Вы можете мне не верить, но этот человек... Он обманщик и мошенник.

– Вы просто сваливаете свои грехи на него!

– А смысл? Я здесь уже работать не буду. Но вы... Он будет делать вид, что вы ему небезразличны. Начнет ухаживать – а он умеет. Не верьте! Он спит со всеми подряд, и...

– Иван! – взвизгнула Лена. Она не просто не слышала Таню, она не хотела слышать. Боялась, что ее кумира разрушат, и ее можно было понять. Байгозин воздвиг себе памятник, который только с виду напоминал бронзу. А если ковырнуть пальцем, то вся конструкция осыпалась бы в кучку высушенного помета. – Выведите ее!

Еще бы заткнула уши и заверещала «ля-ля-ля». Таня и не собиралась продолжать, зерно правды все равно не прижилось. Но Красков, как истинный телохранитель, уже явился на зов.

– Пройдемте, – произнес он со своей обычной непробиваемостью.

– Серьезно? – Таня опешила. – Я же просто жду трудовую!

– Подождете снаружи. – Красков навис над ней, как Пизанская башня.

– Две минуты!

– Хоть двадцать, но в коридоре.

– Фарс какой-то! – фыркнула Таня. Она сама его наняла!

Из кучи безработных мужиков выбрала именно его. Если бы

не она, сидел бы он сейчас где-нибудь в гаражном кооперативе за десять тысяч в месяц и слюнявил карандаш над сканвордом. Где благодарность? Ладно Лена – бедолага повелась на мужскую харизму Байгозина. Но Красков-то изначально скептически относился ко всей этой мотивационной похабени. И пусть не говорил этого вслух, но ведь думал же, это даже слепой прочитал бы по его лицу, если бы пощупал эти скептически приподнятые брови. И Красков как никто должен знать, что Таня целыми днями работала, не отрываясь. Даже обедала, не отходя от стола. Неужели он не понимает? Стоит ему нелестно отозваться о начальнике, как на резюме появится клеймо неприкосновенного.

– Это моя работа. – Красков, как и подобает роботу-андроиду, не проявил ни намека на сочувствие. Подошел ближе, протянул руку к Тане.

– Это переходит все границы! – Она отшатнулась.

Издвки Байгозина она еще могла вынести, но чтобы ее выволакивали из офиса, который она сама же подобрала... И кто? Человек, которому она дала работу? Нет, пусть Красков хоть на ушах ходит, отсюда Таню никто вот так выгнать не посмеет.

– Что происходит? – Николай вышел из кабинета, сжимая зеленую книжицу.

– Она хотела сорвать завтрашний тренинг! – Лена прикрыла клавиатуру, как наседка – неоперившихся птенцов.

– Иван, выведите ее, – потребовал Байгозин.

Таня рванула к бывшему шефу – и просто бывшему. Выхватила трудовую и хотела уже высказать все, что думает, как вдруг почувствовала, что ее отрывают от земли. Красков поднял Таню, словно она была не живой девушкой, а картонной ростовой фигурой, и отнес к входной двери.

– Прошу прощения. – Он даже набрался наглости посмотреть ей в глаза. – Надо было уходить, когда я предлагал.

– Ах так... – Таня задыхалась от негодования.

– В следующий раз мы еще и полицию вызовем, – добил ее Байгозин. Из-за спины Краскова, разумеется.

Таня молча переводила взгляд с одного мужчины на другого, и с каждой секундой шкала ее терпения заполнялась ртутью все больше и больше, пока наконец пустого пространства на ней не осталось вовсе.

Размахнувшись, Татьяна от души залепила Краскову пощечину. Звонкий хлопок прозвучал в полной тишине, как дуэльный выстрел, и пока телохранитель приходил в себя от неожиданной атаки, на его мощной скуле разливалось пунцовое пятно.

– Поговорим, когда он у тебя женщину отобьет, – выпалила Таня в лицо Краскову и, резко развернувшись, зашагала прочь.

Уход был бы еще эффектнее, если бы Таня не забыла на столе у новенькой свою сумку. Пришлось возвращаться назад в полнейшей тишине и с неловким «извините» протиснуться мимо двухметрового бритоголового мужика, которо-

му она минуту назад съездила по лицу. К счастью, крупные люди не так зловредны и мстительны, как низкорослые женские коучи, а потому Красков не стал мстить, орать, давать сдачи и даже не побежал в травмпункт оформлять побои.

Второй раз Таня убегала спешно и не слишком победоносно, но все же осталась собой довольна. Во-первых, она добыла трудовую, во-вторых, нашла в себе силы дать какой-никакой отпор. Конечно, ее удар даже для детского кружка карате был слабоват, а толстокожему, как носорог, Краскову и вообще, наверное, показался чем-то вроде слишком стремительного поглаживания. Но внутри Таня ощущала себя истинной валькирией. И даже порадовалась, пока ехала домой на метро. Гордо задирала подбородок, упираясь им в чьи-то лопатки, и представляла, как ударит Байгозина, если он осмелится еще хоть раз встать у нее на пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.